

Горианские истории
ЛИНА ЛЮЧЕ

ЛЮБОВЬ

больше, чем космос

Горианские истории

Лина Люче

Любовь больше, чем космос

«Aegitas»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Люче Л.

Любовь больше, чем космос / Л. Люче — «Aegitas»,
2020 — (Горианские истории)

ISBN 978-0-3694-0444-2

Кей-Ше – незаконная мигрантка с менее развитой планеты, обманом подменившая его невесту. Берк – лучший телепат на Горре, способный читать мысли. Она одержима идеей встретить настоящую любовь, а он – делом всей своей жизни по телепатическому развитию человека. Он предлагает свою опеку и защиту в обмен на возможность поставить на ней важный эксперимент. Пятый роман серии «Горианские истории», жанры: романтика, фэнтези с инопланетянами.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-3694-0444-2

© Люче Л., 2020
© Aegitas, 2020

Содержание

Пролог	6
Первая часть	9
Глава 1	9
Берк	9
Кей-ше	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Берк	20
Кей-ше	23
Глава 4	26
Центральная планета системы горры. Сезариат	26
Глава 5	30
Горра-3. Берк	30
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лина Люче

Любовь больше, чем космос

© Лина Люче, 2020

© Издательство «Aegitas», 2021

Пролог

В определенном смысле мы сверхлюди. Мы здоровее, способнее, целостнее. Мы быстрее учимся, быстрее понимаем, быстрее адаптируемся, и способны наилучшим образом контролировать себя и чувствовать других. И это налагает на нас ответственность. Перед нашими семьями. Перед нашими близкими. Перед всей планетой. Запомните: вы никогда. Никогда. Никогда не должны вернуться. У каждого из вас есть задача, которая важнее, чем вы сами. Все вы – телепаты. Все вы не хуже, чем они, и вы должны взять то, что принадлежит вам, для всех нас. Все вы летите на Горру ради будущего нашей планеты. Вся Октиания надеется на вас!

Слова звучали слишком пафосно, слишком затерто, чтобы затронуть хоть что-то в ее душе. Сколько раз ей говорили про сверхлюдей и про сверхответственность те, кто впоследствии оказывались далеко не самыми ответственными и уж точно не заслуживали доверия? Сотни раз. Ей постоянно внушали, что телепаты – это нечто особенное. На практике она видела, как эти телепаты оказывались слабее обычных людей, превосходством над которыми так гордились.

Торжественные речи давно и полностью потеряли для нее всякий смысл. Но Кей-Ше приподняла подбородок, глядя на инструктора так, словно не слышала в своей жизни ничего интереснее. Точно так же – она была уверена – на него глядели и остальные – те, кого она не знала, но кто отбывал вместе с ней. Шпионы, лазутчики, проныры. Они друг друга не могли видеть даже сейчас, когда слушали одно и то же дурацкое напутствие по одному видеоканалу. У каждого было свое задание, и в случае провала никто из них не должен был выдать других.

Кей-Ше не знала ни возраста, ни пола других телепатов-шпионов, но сейчас, слушая унылое выступление инструктора, уделом которого было всегда сопровождать и никогда не делать ничего важного самому, словно чувствовала тех, других. Она на минуту даже пожалела, что они не могут поддержать друг друга и обменяться впечатлениями о невыносимой скуке, которую нагнетали все эти формальности. Сейчас, например, ей совершенно не хотелось слушать никакой напутственной речи. Ей хотелось бы еще раз напоследок обнять тетю и, может, бабушку. Сказать, что она когда-нибудь обязательно заберет их с Октиании в мир, который, безусловно, был намного лучше. В тот мир, где она должна была родиться, но в результате какой-то космической ошибки оказалась на богом забытой планете, окраине мироздания. И вот теперь эта ошибка должна быть исправлена.

Странно, но она почти не испытывала волнения перед заданием, которое выглядело довольно-таки сложным – сначала она даже не поняла, как это: играть роль сбежавшей землянки? Зачем? Потом выяснились подробности: землянка была очень важна для Октиании. Она выросла на Горре и по сути была местной, настоящей горианкой, хорошим телепатом с высоким уровнем. И при этом она еще и была землянкой – тем видом человека, которого никогда не видели на Октиании и очень хотели изучить. У нее была куча полезной информации и навыков, а главное – искреннее безумное желание оказаться на Октиании вопреки всем горианским законам и даже здравому смыслу. Какой нормальный человек хочет переехать в нижний мир из рая, да еще навсегда? Что было в голове у этой землянки, летевшей ей навстречу прямо сейчас, чтобы навеки разминуться, обменявшись планетами?

Кей-Ше этого не знала, как и октианское правительство. О Земле сведений было мало, горианцы "разрабатывали" эту планету в одиночку, хранили все в секрете и близко никого не подпускали. Поговаривали, что это бесило весь Галактический совет, не только Октианию, но пока никто, кроме горианцев, не мог даже найти Землю, чтобы появиться там и попытаться колонизировать ее или начать какие-то отношения. А еще поговаривали, что все земляне – немного того. Что ж, это как раз похоже на правду, судя по поведению некой Сэмиллы, в которую ей надлежало превратиться.

Сначала она вообще не верила, что такое возможно, хоть и была невероятно счастлива от открывшегося задания, которое позволяло улететь на Горру. Пусть они с той землянкой и похожи внешне, но как она сможет играть роль другой девушки перед ее друзьями, родственниками – они же не слепые, не говоря уж о том, что телепаты. Но потом ей объяснили, что Сэмилла сбегала на Октианию вместо переезда на другую планету Горианской системы. И там, на новом месте, ее ждали, но при этом никто не знал, в том числе и будущий жених. Когда ей сообщила об этом инструктор – не тот, который как механическая кукла изрыгал лозунги им вслед, а та, которая с ней работала три года и была другом – Кей-Ше засмеялась:

– Высокий, крылатый и красивый? Я должна его обаять?

Она была не прочь пофлиртовать с симпатичным парнем, а особое отношение к помолвкам на Горре возбуждало ее искренний интерес. Начать с того, что неведомого инопланетянина в пару землянке подобрала компьютерная система, которая на Горре была причиной начала девяноста процентов помолвок. В это трудно было поверить, но высшая развитая раса почти не умела или не хотела устраивать свои отношения с противоположным полом сама – все отдали на откуп специальной психологической службе, глубокому анкетированию и, в конечном счете, компьютерной программе, которая анализировала совместимость людей друг с другом и выдавала наилучшее совпадение. После чего, как ни странно, большинство помолвок действительно удавалось. А если не выходило – так что ж, через некоторое время всегда появлялся следующий вариант.

Изучать то, как была устроена романтическая сторона взаимоотношений на Горре Кей-Ше всегда было очень интересно. Сначала она была уверена, что телепаты-горианцы практикуют еще более свободные отношения, чем октианцы, которые вот уже сто лет как приняли идею свободного брака и по возможности выбирали именно его, если, конечно, позволяло материальное положение. Когда Кей-Ше выяснила, что горианцы не только абсолютно моногамны, но еще и построили патриархальную систему, она была сильно удивлена. С одной стороны, ее всегда привлекала идея о том, чтобы мужчина оставался сильнее, но не полностью же отдавать власть. Это просто опасно...

А еще больше ей не нравилась информация о том, что психика телепатов образовывала каким-то образом неразрывный симбиоз во время секса, и именно поэтому свободных отношений на Горре не могло быть. Это обескураживало. Пока Кей-Ше не знала об этом, она никогда не задумывалась, почему близость телепатов на Октиании объявлена смертельно опасной. Просто приняла это как данность, как все, и никогда не гадала, что будет, если на планете останутся одни телепаты. Оказалось, отношения телепатов возможны, и это звучало логично. Просто у людей должно быть какое-то особое отношение, особое чувство друг к другу. Любовь? Горианцы что, верили в любовь? Это казалось невероятным, но будило в ней такое любопытство, что даже перспектива остаться без секса на долгое время не пугала – черт с ним, как-нибудь все решится.

Особые чувства между сверхлюдьми... когда-то Кей-Ше тоже хотелось особых чувств, и в детстве она еще читала сказки о любви. Но ведь октианские психологи еще сто лет назад объявили, что миф об этом порожден простой эмоциональной зависимостью, которая в свою очередь была вызвана личной недоразвитостью, и позже на своем примере она поняла, что это так и есть. Люди постоянно влюбляются в тех, кто не отвечает взаимностью, начинают страдать, делать глупости, и это совсем не похоже на сказочное чувство из мифов. Это больше похоже... на недоразумение, ошибку психики.

Чем больше Кей-Ше узнавала о горианцах и их отношении к чувствам, тем больше приходила в замешательство. Выходило, что любовь все-таки есть, только для того, чтобы ее испытать в нормальном независимом варианте, оказывается, надо стать телепатов – будет сюрприз для октианских психологов-теоретиков, большой сюрприз. Конечно, и на Октиании такое бывало, что наука ходила по кругу: в древние времена верили в телепатию, потом лет триста

считалось, что ее нет, а потом появились горианцы, и все снова поверили. Более того, тут-то и выяснилось, что на планете есть свои телепаты, которых просто никто не замечал. Которые, как та же Кей-Ше, и сами никогда бы не поняли, какими именно способностями обладают.

Все свое детство, половину жизни она не знала, кем является на самом деле. Но как только узнала, стало сразу ясно – ей надо на Горру. И в одном этот неприятный инструктор перед полетом был прав: она никогда. Никогда. Никогда не должна вернуться.

Первая часть

Глава 1

Берк

Транспортный корабль по маршруту Горра-Центр – Горра-3 приземлился. В тот момент, когда Берк заметил, как полукруглое тело летательного аппарата слегка вздрогнуло, полностью сбрасывая скорость и напряжение, он понял, что сам, наоборот, слегка напрягся.

Сквозь огромную прозрачную стену кафе в космопорте можно было разглядеть все до мелочей, даже крошечные пятнышки грязи на блестящем боку корабля. И Берк уставился на них так, словно это была какая-то хитрая схема, которую надо было срочно разгадать и успеть с этим до того, как пассажиры устремятся к выходу.

Всего за несколько минут до приземления транспортника он преспокойно смаковал свой мятный коктейль и думал только о том, что должен во что бы то ни стало успеть на персональную консультацию с одним из очень перспективных студентов. Его расписание – и как преподавателя, и как врача – вот уже несколько лет было забито под завязку. Ради встречи невесты этим утром буднего дня пришлось перенести две консультации на выходной день, но на вечер еще оставались дела.

Берк и сам удивлялся, до какой степени философски отнесся к известию о помолвке с землянкой – должно быть, он действительно серьезно продвинулся в работе над собой, контроле за эмоциями и пресловутому душевному равновесию телепата наивысшего уровня. Уровня, близкого к способностям Сезара.

Заниматься телепатией в век ее самого интенсивного развития на телепатической планете – что может быть обыкновеннее? Телепатией так или иначе интересовались все, только мало кто мог показать в ней выдающиеся результаты. Но Берк с детства чувствовал, что способен на большее, чем кто-либо еще. Взрослые сначала снисходительно улыбались, но уже к шестнадцати годам, научившись прямо сквозь блоки видеть эмоции отца – телепата с уровнем, близким к высшему, Берк заслужил его серьезное отношение. И после этого он получил свой билет в академию телепатии – несмотря на то, что родителям пришлось потратить половину сбережений на оплату его обучения в этом престижном заведении. И Берк не подвел, закончив его быстрее и успешнее, чем любой другой выпускник за всю историю. А нескольких следующих лет он посвятил тому, чтобы стать самым сильным специалистом по телепатии во всей планетарной системе Горра.

Скосив взгляд на свой коммуникатор, где ответа дожидались восемь тысяч триста пятнадцать сообщений, Берк с сожалением улыбнулся. Он не сможет ответить и помочь всем, даже если выделит на это год своей жизни – в известности были свои минусы. Например, кроме основного номера пришлось завести еще один, секретный. Но у него было правило – отвечать на несколько случайных сообщений и по тому, общественному, который мог получить по запросу в сети любой желающий. Бесконечный список сообщений, почти ежеминутно приходящий по этому номеру, одновременно и удручал, и радовал. Эти сообщения каждый день наглядно показывали ему, как многого он достиг и насколько востребован – больше, чем абсолютное большинство горианцев когда-либо могли бы мечтать. Но эти же сообщения с той же наглядностью показывали: как бы он ни был талантлив, сколько бы ни достиг, помочь он может лишь немногим.

Слегка прикрыв глаза, он прокрутил бесконечную ленту сообщений и наугад ткнул в одно из них. Едва открылся розовый экранчик, Берк стиснул зубы и внутренне вздрогнул. Сообщения от детей он не любил: на них невозможно просто ответить и забыть, если это просьба о помощи.

Прикрыв глаза на мгновение, он невольно прошептал: "только бы не лечение... только бы не лечение... только бы не..."

Но, едва лишь начав читать, понял: оно.

"Дорогой Берк мне 5 лет. Моя мама говорит чтобы я тебе ни писала что ты все равно ни ответишь. Но я думаю что когданебудь ты ответишь. Пожалуйста мне очень нужно выздараветь. У меня высокая телепатическая чувствительность. Пажалуйста атветь мне очень-очень надо. Искренне твоя Никамая эс-Керсе"

Чтоб тебя. Чтоб тебя. Чтоб тебя. С глубоким тяжелым вздохом Берк посмотрел на адрес отправительницы, и его брови слегка дернулись вверх: бывают же совпадения – сообщение пришло с Горры-3. Что ж, уже легче. Большая девочка хотя бы на той же планете, что и он.

"Похоже, ты вытянула свой счастливый билет, Никамая", – негромко прошептал он и отложил телефон, снова бросая взгляд в окно. Берк и не глядя знал, что перед открытием шлюза корабля пройдет еще некоторое время, но на всякий случай поглядывал в ту сторону. Счастливый билет. Только озвучив эти слова, он невольно вспомнил, сколько раз сам слышал нечто подобное – как будто весь его труд ничего не стоил. Как будто большинство горианцев не жили всю жизнь с уровнем, отстоящим от верхней планки их потенциала на полтора-два "этажа".

Пронзенный внезапной догадкой, он снова взял телефон и включил поиск по имени отправителя: "Никамая". И, даже зная примерно, какой результат получит, все равно оказался изумлен: сто пятьдесят два сообщения за полгода. Наугад открыв пару из них, он невольно улыбнулся: в последнем малышка умудрилась даже исправить три ошибки: в его имени, слове "Горра" и слове "искренне". Но свой диагноз писала верно во всех сообщениях. Еще бы: должно быть, она слышала его с самого рождения, тысячи раз.

Немного подумав, Берк ответил на последнее сообщение, а потом удалил все письма маленькой Никамаи, кроме одного. На его телефоне осталось восемь тысяч сто шестьдесят шесть сообщений – еще три новых пришли только что и мигали сверху.

"Да, малыш, упорство вознаграждается. Редко, но бывает такое", – пробормотал он себе под нос, сунул коммуникатор в сумку и встал, поскольку тело космического корабля снова вздрогнуло, и шлюз начал открываться.

А теперь пришла пора встретиться с невестой-землянкой. Подумать только, сколько времени будет потеряно впустую в ближайшие два месяца. Он бы здорово разозлился на Сезара за такой "подарок", если бы был на десять-пятнадцать лет моложе. Тогда он только начинал карьеру. Но теперь Берк в каком-то смысле был даже благодарен этому нелепому стечению обстоятельств: он слишком давно планировал облегчить режим работы, устроить себе полуотпуск, но никак не мог договориться со своей совестью. А теперь у него вроде как даже не было выбора, и это радовало. Наконец-то он выпится. Наконец-то просто посидит в каком-нибудь кафе и будет спокойно есть, никуда не торопясь и не срываясь с места по срочному сообщению. Ну, и на землянку интересно посмотреть, хоть вступать в слияние он и не собирался – просто Берк с детства любил все странное: странные болезни, странную еду, странных людей.

Как бы не представлял себе Берк землянку перед этой встречей, но увидел совсем другую девушку. Прежде всего, она оказалась намного меньше, бледнее и пугливее, чем он ожидал. Бескрылая, настороженная, слегка замороженная внешне – натянутая, как вибрационная нить в операционной. И так же чутко реагирующая на все. Впервые скользнув по ней взглядом, Берк считал то, что всегда считывал с незнакомцев в первую очередь: уровень здоровья. Результаты визуального сканирования слегка его озадачили: а как же глубокая травма, о которой говори-

лось в ее карте? Как жених, который должен был забрать пре-сезариат над землянкой от ее нынешнего опекуна, он получил исчерпывающую предварительную информацию о психике девушки, в том числе о серьезных проблемах, которые на деле не подтверждались.

Берк снова осмотрел девушку: неужели он ошибся в своей оценке "на глазок"? Но это невозможно – он уже лет десять, как по одному лишь взгляду мог сказать, травмирован человек или нет. Если, конечно, речь шла о действительно серьезных проблемах. Нет, он не ошибся. Эта девушка могла иметь множество мелких травм, поскольку никогда в жизни не проходила нормального лечения, но в целом – здорова.

Какой же идиот вписал в ее карту запрет на сканирование? И какой идиот... будет пялиться на свою невесту вот уже три минуты подряд, не говоря ни слова, пока она стоит перед ним, смущенно вглядываясь в лицо, с огромной сумкой в руках?

Очнувшись, Берк спохватился, послал телепатическую улыбку, взял из ее рук сумку:

– Привет.

По скорости телепатического ответа – улыбкой на улыбку – он определил точный уровень: средний. Что ж, неплохо для землянки. Для женщины – абсолютная серединка на Горре, где средний уровень потому и был таким обозначен. Для мужчин норма – выше среднего. На таком естественном положении вещей и держалась трехсотлетняя система браков и пре-сезариата в его современном понимании: мужчины несли личную телепатическую ответственность не только за детей и подчиненных, но и за своих женщин. Иногда Берк думал, что для их планетарной системы было бы лучше "подравнять" женщин и снять груз постоянной ответственности с мужской половины населения, хотя по факту он пока не видел реалистичного способа сделать это в масштабе всех планет. В то же время он знал, что однажды обязательно начнет гигантское исследование на эту тему и не успокоится, пока не закончит с грандиозными революционными результатами.

– Я Сэм, – ответила она негромким голосом, таким же слегка замороженным, как вся ее внешность.

– Сэм?

– Меня так все зовут. Тебе не нравится?

Она так внимательно вглядывались ему в лицо, что Берк почувствовал что-то странное... что-то еще более странное, чем он ожидал. Со следующим вдохом он понял, что все внутренности уже зудят от желания просканировать ее. Он не любил секретов и сюрпризов, зато обо-жал исследовать всякого человека, не похожего на других, который оказывался в его доступе.

Но все же она была его невестой... вот так сразу нападать, пожалуй, не стоит, тем более, что девушка никуда из-под его пре-сезариата не денется еще два месяца.

– Это же твое имя. Я буду называть тебя так, как тебе нравится, – сказал он и повернул голову в сторону, указывая направление легким кивком, – нам туда.

Кей-ше

Еще ничего не зная толком о своем женихе, она уже была ему признательна – за достаточно длительное молчание в транспорте. И за сам транспорт. Возможно, она не смогла бы скрыть ужаса, предложи он ей полет на своих крыльях. Но он, к ее радости, не предложил. Он позволил ей отойти от полета, от шока, от первого смущения. Только когда она попала на корабль, идущий на Горру-3, Кей-Ше поняла смысл всей жесткой подготовки. Дома ей казалось: что за ерунда, она мгновенно адаптируется. Ведь ее горианский идеален, и горианцев она видела, и смотрела столько фильмов о Горре, что все было знакомо до боли. Но все же она переоценила себя.

Видеть горианцев издали оказалось не тем же самым, что очутиться среди них в полном одиночестве, когда их было так много вокруг – огромных мужчин, странных женщин. И

каждый из них был телепатом, а многие – куда более сильными, чем она. Вот это – главный шок. Она знала, что так будет, но все же оказалась совершенно неподготовленной к моменту, когда первый же встреченный ей на корабле чудовищно огромный мужчина с крыльями спросит: "Маленькая, ты в порядке? Что тебя так напугало?"

От этого вопроса Кей-Ше перепугалась еще больше и с трудом смогла оправдаться тем, что она – землянка, и никогда прежде не летала на космических кораблях. На самом деле ее ужас был вызван тем, что каждый встречный мог читать ее эмоции как раскрытую книгу. Например, замечать неоправданный с их точки зрения страх. А значит, очень скоро все заметят странности в ее поведении, и так она может себя выдать.

Ничего ужаснее, чем выдать себя, с ней случиться не может – это в центре подготовки ей дали понять предельно ясно. Если ее депортируют на Октианию, остаток дней она проведет в тюрьме. Лучше даже не думать об этом. Назад дороги для нее не было, навсегда. Более того – у нее была серьезная задача перевезти на Горру семью. Она не могла оставить их там теперь, когда попала в это райское место. Она не могла позволить им продолжать жить в ужасных условиях. Ей предстояло как-то вытащить их всех, одного за другим: Асей-Ше и ее мужа, брата Кадита, бабушку, и деда, и еще дядю Сурима с семьей, маминого брата. Весь ее род надеется на нее, и она на самом деле единственная, кто может их по-настоящему спасти.

Мягкий гул транспортера располагал к погружению в себя и воспоминания, но Кей-Ше усилием воли заставила себя вернуться в реальность. Ее внимание как никогда прежде требовалось ей здесь и сейчас. Ей надо внимательно смотреть по сторонам, быть начеку, запоминать каждую деталь, чтобы максимально быстро подстроиться, стать своей. Ей надо подхватывать все: как люди говорят, как ведут себя, как жестикулируют, о чем они говорят и о чем умалчивают. Как тут все устроено...

Ее жених сидел в транспортере напротив, не вылезая из своего коммуникатора – совсем как многие октианцы. Играл? Читал что-то? Или это по работе? Кей-Ше видела лишь то, как его пальцы летали над клавишами, а по лицу ничего нельзя было понять – абсолютно бесстрастная горианская маска телепата. За блоком она не могла слышать его эмоций и телепатически тоже – и это ее ни капли не удивляло. У него, разумеется, телепатический уровень выше, иначе бы их с Сэм не подобрали в пару друг другу.

А Кей-Ше во многом была очень похожа на Сэмиллу, и даже их телепатический уровень почти не различался. Внешне они были похожи, хоть и не близнецы: у обеих светлые волосы, большие серые глаза, невысокий по местным меркам рост. Им обоим суждено было перебраться на другую планету... Вот только чего не хватало на Горре этой землянке она понять не могла. Отказывалась понять. Знала лишь одно: Сэм преподнесла ей роскошный подарок своим безумным желанием сбежать из рая в "нижний мир", как про себя называла родную Октианию Кей-Ше. И она останется здесь во что бы то ни стало, даже если сначала для этого придется угождать жениху круглыми сутками.

Снова посмотрев на горианца, Кей-Ше попыталась оценить его рост: она не успела сравнить его с другими горианцами. Знала лишь, что Берк выше нее на пару голов или даже больше. И крылья. Крылья – это было красиво. Сейчас, когда он сидел в кресле с очень узкой спинкой, нижние перья лежали на полу. Ей стало интересно, горианцы говорят друг другу "извините", если наступают на перья, как на ногу?

Внезапный внимательный взгляд Берка прямо в глаза заставил Кей-Ше затаить дыхание, и она невольно напряглась. Господи... какой пронзительный взгляд, мелькнуло в ее голове. Такого она еще не видела. Интересно, он высший? В фильмах и книгах о телепатах не упоминалось о том, что у высших бывают такие взгляды, но Кей-Ше инстинктивно поняла, что это связано с уровнем. Она опустила глаза и устала на свои руки, сложенные на коленях, ожидая, что он заговорит с ней. Но горианец снова промолчал, тактично оставляя без комментариев ее безмолвный эмоциональный взрыв, и через минуту она смогла, наконец, выровнять дыхание.

Снова мельком бросив на него взгляд в тот момент, когда горианец опять углубился в коммуникатор, Кей-Ше попыталась определить, красив ли он. Нравится ли он ей внешне? Но не смогла. Его полная бесстрастность и отсутствие эмоций, которые она могла бы воспринимать любым из органов чувств, мешали ей составить какое-либо мнение, словно перед ней сейчас был не сам человек, а только его бездушная голограмма.

Черты лица Берка были схожими с многими горианцами, которых ей довелось встречать – разве что, уши чуть более оттопырены. Глаза очень большие и широко поставленные, а ресницы почти белые, создающие полупрозрачный ореол для этого проникающего насквозь взгляда и словно усиливающие его этим. И еще у него были очень длинные пальцы, даже для горианца – руки просто огромные.

Невольно желая сравнить его с другими, она стала потихоньку разглядывать всех пассажиров транспортера. Из-за отсутствия эмоций на лицах многие из них казались надменными, а другие имели какой-то полусумасшедший вид. Берк не походил ни на тех, ни на других: выглядел глубоко отстраненным, погруженным в себя. С удивлением осознав, что ее жених выглядит живее многих, Кей-Ше снова начала присматриваться к нему: что в нем такого особенного? Но разгадка пока ускользала от нее...

Внезапно она ощутила сонливость. Странно. Выдрыхлась же вроде в капсуле, в недельном полете с Октиании на Горру. Думала, три дня еще спать не захочет. Почему же так клонит в сон...

Гул транспортера то удалялся, то приближался, и превратился в гул металлического робота, переключившего трубы на улице. Ей шесть лет, она сидит возле окна в интернате – из окна немилосердно дует, но хотя бы можно дышать. Во всем интернате ужасно воняет вареной капустой. Есть капусту Кей-Ше больше не может – от нее тошнит и пучит, но вот уже две недели на обед ничего больше не дают. А на завтрак – слабо заваренный травяной чай и сухарик. На ужин дадут еще один.

Через неделю обещают поставку продуктов, тогда появятся хотя бы сладкий картофель и масло. А, может, бабушка в выходной принесет лепешку из черной муки... хорошо бы принесла. Кей-Ше снова слышит усиливающийся гул робота и вспоминает о транспортере... секундочку, постойте. Она ведь не ребенок, и ее прошлое с вечным голодом и бесконечными зимами ушло в прошлое. Она живет в столице... нет, она на Горре. Она выбралась и спаслась, и... она слышит горианский язык прямо над ухом.

– Просыпайся. Просыпайся уже, возвращайся на мой голос. Возвращайся, октианка, лучше тебе меня не сердить.

Резко открыв глаза, Кей-Ше вздрогнула всем телом и села на мягком диванчике. Она больше не была в транспортере. Горианец сидел напротив нее, но обстановка вокруг радикально изменилась. Квартира. Это была горианская квартира, похожая на те, которые она видела в фильмах: низкие диванчики без спинок, полукруглые каменные стены. Богатое просторное жилье, но... господи, неужели он сказал: "октианка"? Как? Что с ней случилось? Чем она выдала себя так быстро?

Она боялась посмотреть ему в глаза, но горианец, казалось, и не стремился встречаться с ней взглядом.

– Знаешь, кто я? – спросил он, глядя в сторону.

– Н... нет, – тихо ответила она, изо всех сил борясь с ужасом и отчаянием. Ей конец. Ее вышлют на Октианию – и затем тюрьма. Дома ей не простят провала этого задания, и никто не будет слушать никаких объяснений.

– Меня зовут Берк эс-Мессе. Мой телепатический уровень – выше высшего. Понимаешь, что это означает?

Он продолжал смотреть в сторону, но теперь Кей-Ше знала: ему не надо смотреть на нее, чтобы видеть насквозь. У нее не было шансов. Выше высшего – это телепат, читающий

мысли. Во всей горианской планетарной системе таких не более нескольких десятков... ей просто ужасно не повезло.

Глубоко вздохнув, она кивнула и криво улыбнулась, покачав головой.

– Прекрасно. Сэкономим время, – кивнул он и встал, – хочешь выпить чего-нибудь?

– Нет. Я хочу умереть, – глухо пробормотала Кей-Ше и почти не соврала.

– Не говори глупостей, пожалуйста, – нервно дернув головой, быстро сказал горианец, но его голос прозвучал удивительно мягко. Кей-Ше, правда, было не до того, чтобы анализировать его интонации: к горлу внезапно подступила сильная тошнота.

– Так, – в мгновение ока Берк очутился рядом. – погоди с этим минутку, я покажу тебе, где ванная.

Глава 2

Ее рвало так долго, а голову пронзила такая сильная внезапная головная боль, что полчаса спустя Кей-Ше еле-еле смогла умыться, потом внезапно силы кончились. Она опустилась на каменный пол и закрыла глаза.

Берк, словно ждавший этого момента, приоткрыл дверь и поднял ее с пола так легко, словно она была ребенком и ничего не весила.

– Спокойно. Я отнесу тебя на свежий воздух, – пообещал он, и через пару минут, действительно, положил ее на мягкий лежак в месте, которое напоминало райский сад. О таком Кей-Ше только читала в книгах: кругом огромные тропические растения, где-то журчит фонтан, и сверху доносится тихая успокаивающая музыка.

– Посмотри мне в глаза.

– Зачем? – спросила она, но сразу посмотрела. И в тот миг, когда их взгляды встретились, ее головная боль прошла.

– Лучше? – спросил он и, не дожидаясь ответа, кивнул.

– Не понимаю, что со мной, – пробормотала Кей-Ше, умирая от стыда. Это было глупо сейчас, когда вся ее судьба летела в тартарары, но ей было неловко, что ее рвало перед незнакомцем, да еще так долго, словно она напилась как свинья.

– Это последствия первого в твоей жизни глубокого сканирования. Я немного полечил, – негромко ответил Берк и присел на соседний лежак.

Чувствуя себя тяжелой, как каменная статуя, Кей-Ше медленно повернула голову:

– Глубокого сканирования? Так это поэтому я заснула?

– Ну, технически ты не спала. Это был гипноз. Мне пришлось отправить тебя в детство, чтобы подлечить кое-что. А потом ты отключилась, и я перенес тебя сюда из транспортера.

– Я не понимаю. Зачем ты... лечил?

Язык во рту едва ворочался. Кей-Ше хотелось заплакать и одновременно засмеяться. Ее потряхивало от паники: что теперь с ней будет? Что теперь с ней случится? Когда он сдаст ее властям?

– Чтобы ты была здоровее, маленькая.

Он наклонил голову, глядя на нее, лежавшую без сил, сверху вниз – так заботливо, словно она была не разоблаченной им шпионкой, а просто обычной гостьей в его доме.

– Ладно, – вздохнула Кей-Ше и, набравшись храбрости, посмотрела ему в глаза, – когда ты сдашь меня?

– Сдам тебя? Кому? – удивился он, но, прежде чем она успела вымолвить хоть слово, склонил голову на другую сторону, – а... вот что ты думаешь. Нет, малыш, я не собираюсь тебя никому сдавать.

– Как? – охрипшим голосом переспросила Кей-Ше.

– Просто, – пожал плечами Берк. – Формально ты моя невеста, и это очень удачно. Я не доверяю политикам, и не верю, что они будут руководствоваться твоими интересами, когда начнут выяснять отношения с Октианией. А ты под моей опекой, и я должен защищать тебя.

– Ты серьезно?

Кей-Ше ошеломленно смотрела на горианца, еще не веря, что только что спаслась. Вот так просто?

– Да, все просто. Таков закон о пре-сезариате, – кивнул он. – И потом... мне кое-что нужно от тебя.

* * *

Вечер она провела в его квартире в полном одиночестве, и была очень этому рада. Ее мозг взрывался, хотелось все спокойно изучить и переварить. Первое, что ей требовалось хорошенько обдумать, так это кто такой Берк и как строить с ним отношения. Его дружелюбие и прохладца, его уверенность и мягкость, его космически высокий телепатический уровень и манера держаться так спокойно и на равных... с первого взгляда инопланетянин казался ходячим парадоксом – причем, во всем.

За обедом он коротко пояснил ей, зачем она ему понадобилась – настолько, что он почти сразу решил скрывать ее от горианских властей. Оказалось, он планирует исследование, и ему нужны были живые добровольцы, но таких непросто найти: эксперимент, который Берк планировал, не будет приятным для испытуемых. Но Кей-Ше эта информация внезапно успокоила: хотя бы потому, что была более понятной и правдоподобной, чем его слова о пре-сезариате и благородном намерении защищать просто так.

– По правде, это может быть очень болезненным с психологической точки зрения. Наверняка будет, – сказал он, невозмутимо наворачивая салат из каких-то незнакомых ей мелко нарезанных овощей с толчеными орехами. Осторожно попробовав, Кей-Ше нашла его удовлетворительным по вкусу, но есть не особо хотелось: ее все еще мучило. Поэтому она просто слушала горианца, лишь изредка задавая уточняющие вопросы.

С его слов выходило, что после эксперимента она получит очень высокий телепатический уровень – возможно, высший или даже чуть больше, хотя в это просто невозможно было поверить. И, если так, то это стоит любой боли, которую она могла бы испытать: она станет неприкасаемой на Октиании и получит особый статус на Горре. Без всякого брака с горианцем Кей-Ше сможет получить отличную работу, зарабатывать кучу денег и договориться с Сезариатом о своей семье. О, да, она была заинтересована в этом эксперименте, и Берк прекрасно это понимал.

– Ты сам проходил через подобное? – спросила она, когда Берк закончил с предварительными пояснениями.

– Да. Как я уже сказал, приятного в этом мало, – сказал горианец и взглянул на свой коммуникатор.

– Но ведь ты сделал это добровольно? – уточнила Кей-Ше, невольно следя за его лицом, хотя и не находила в этом ни малейшего смысла: если микроизменения мимики и были, она пока не умела их заметить.

Ничего не ответив, Берк встал и предложил ей показать свой дом. И до его отъезда на работу они успели многое: Кей-Ше научилась пользоваться системами регулировки света, отопления, изучила расположение комнат, освоила пульт вызова ресторанного сервиса. Затем Берк вложил в ее руку электронный ключ от двери и посмотрел в глаза:

– Я доверяю тебе по результатам сканирования. Чаще всего ты ведешь себя честно. Но иногда ты склонна к иррациональным поступкам от страха, поэтому должен тебе напомнить: я единственный человек на этой планете, который сильно заинтересован в том, чтобы ты осталась. Пожалуйста, сделай так, как мы договорились. Не покидай моей квартиры и не пытайся общаться с кем-либо по коммуникатору, особенно с агентами вашего правительства.

– А...

– Да, они здесь есть и наверняка попытаются выйти с тобой на связь. В твоих интересах этому не способствовать, ясно?

Серебристые глаза светились так ярко, что почти гипнотизировали ее. Кей-Ше с трудом отвела взгляд и медленно кивнула:

– Ясно. Что тут может быть неясного.

– Многое. У страха каждое крыло в полнеба.

– Я дождусь тебя здесь, – твердо сказала Кей-Ше.

– Хорошо. Поужинаем вместе. Можешь также заказывать еду в любом количестве, пока меня не будет.

– Понятно. Спасибо, – сказала она и опустила глаз вниз – привыкнуть к его проницательному взгляду все еще не получалось, и пока его хотелось избегать.

Когда Кей-Ше вышла проводить его на задний двор и увидела, как он взлетает, то надолго зависла, глядя горианцу вслед. Летающие люди – это то, что не сразу укладывается в голове, даже когда наблюдаешь их воочию. Да, она видела крылатых инопланетян на Октиании, но там из-за более сильной гравитации их крылья оставались просто тяжелым неудобным украшением. И вот теперь она лично могла убедиться, что это не просто аксессуар – как люди пользуются ими, как летят по воздуху, словно птицы. Это выглядело еще большим чудом, чем телепатия, хотя если подумать...

Когда-то и телепатия здорово взорвала ей мозг, во всех смыслах. Обыденность – это чудеса, к которым человек привыкает. Кей-Ше даже не знала о существовании телепатов до тех пор, пока ей не сказали, что она сама – телепат. Как это было давно... казалось, в прошлой жизни. Но это произошло всего лишь десять лет назад. Подумать только, всего десять лет назад она не знала толком, что такое красивая одежда, вкусная еда и регулярный доступ к горячей воде. Что такое настоящее хорошее образование и настоящая работа головой. Еще десять лет назад ее готовили к самой обычной унылой жизни простой труженицы.

Ей говорили, что она долгие годы будет работать на фабрике за штамповочным аппаратом, как бабушка, выйдет замуж за такого же работягу и потом, если повезет, они вдвоем дослужатся до такой зарплаты, чтобы хватало хотя бы на нормальную еду. Как при этом она умудрялась мечтать о приключениях и других планетах, Кей-Ше сейчас не понимала. Конечно, когда ей говорили о будущем на фабрике, спорить со взрослыми не приходилось, но все же ребенком она как будто всегда знала: этой жизни, которую ей пророчили все, у нее не будет. Просто произойдет чудо – и все.

Интересно, в жизни ее жениха происходили чудеса? Что-то, выходящее за рамки его прежней реальности, например, когда он понял, что его потенциал выше других? Что-то, что потом превратилось в часть его обычной жизни? Наверняка происходили, иначе как он вообще смог стать таким сильным в телепатии?

Вспоминая свои первые годы учебы, Кей-Ше содрогалась. С ней работало три психолога-телепата, один другого ненормальнее. В какие-то моменты она думала, что сойдет с ума или убьет кого-нибудь. И только много позже, когда ей впервые довелось поработать полчаса с горианским психологом, она поняла: все октианские мозгоклюи – бездарные и на редкость бесптолковые создания, которые постоянно занимаются не столько пациентом, сколько сами собой. У одной женщины-психолога, например, были проблемы с жестокой матерью, и она все время пыталась найти сходную историю в жизни Кей-Ше, хотя ничего общего между их матерями не было. Другой психолог постоянно переживал из-за своего слабого телепатического уровня и пытался навязать этот страх ей, хотя Кей-Ше первые годы не могла прийти в себя от счастья, что у нее хоть какой-то уровень есть.

Все они были похожи друг на друга... а горианец был первым, кто выслушал ее по-настоящему. И вот тут-то она здорово испугалась. Никогда прежде Кей-Ше не думала, что ненавидит саму себя так сильно. Никогда прежде не ощущала такой бездны отчаяния. Но она до сих пор была безмерно благодарна тому психологу: едва коснувшись темной стороны, он потратил почти все время на то, чтобы убедить ее работать с этим. И буквально минут за двадцать уверил ее в том, что рано или поздно она выйдет из этой схватки победителем.

С того дня Кей-Ше ежедневно по капельке, по маленькой крошке сама работала над собой так, как научил горианец. И уже через несколько месяцев могла парой слов высмеять любого из

психологов-октианцев, так что очень скоро они все почему-то отказались от намерения лечить ее.

В том, что работа с Берком превратит ее душу в кровавое месиво, Кей-Ше не сомневалась. Когда она повышала свой уровень в последний раз, то несколько раз думала, что никогда не захочет пережить такое снова. Но потом стало легче – также ощутимо легче, как когда она вышла на Горре и поняла, что это такое – весить почти вдвое меньше. Казалось, можно лететь без всяких крыльев. И после повышения телепатического уровня – тоже. Только вот люди вокруг вдруг превратились в очень странных созданий: вдруг оказалось, что все они слишком часто лгут, и в основном почему-то сами себе.

На секунду задумавшись, как она сама выглядит в глазах горианца, Кей-Ше содрогнулась. Боже. Лучше об этом вообще никогда не задумываться, он ведь читает ее мысли. Всю чепуху о том, какие у него глаза, уши и пальцы, стоит ему доверять или не стоит, и как половчее схитрить. Он, наверное, считает ее полной идиоткой, недоразвитой туземкой. Да, она такая и есть в его глазах. "Я доверяю тебе по результатам сканирования" – как естественно это звучало из его уст. Конечно, с его уровнем простое доверие не имело никакого смысла. Он мог просмотреть насквозь каждого и высчитать уровень честности до процента.

В фильме о телепатии на Горре говорилось, что телепаты сверхвысокого уровня близки к состоянию абсолютного здоровья, как физического, так и психологического, но часто надолго остаются в одиночестве, поскольку слишком мало в планетарной системе людей, которые могли бы сравниться с ними и строить с ними равные отношения. Интересно, Берк страдает от одиночества? Может, он поэтому и затеял исследование, что хочет искусственно вырастить равных для себя?

Глубоко погруженная в свои мысли, Кей-Ше лишь через пару часов после ухода Берка вспомнила, что хотела внимательнее осмотреть дом в его отсутствие. Вскочив с лежака, она прошла внутрь дома сквозь раздвижные двери. Первая комната по ходу – его кабинет, обставленный очень лаконично: стол, кресло, пара шкафов для библиотеки и капсула, похожая на те, что использовали для сна на октианском космическом корабле.

Затем – его спальня, в которую она решила не заходить, и комната для слияний. Берк указал на нее, но не открывал. Кей-Ше приоткрыла дверь – это место манило, возбуждая ее любопытство и некоторые другие чувства тоже. Ей пришлось применить все доступные средства самоконтроля, чтобы не думать об этом при Берке – но теперь она хотела насмотреться вдоволь.

Горианские обычаи вокруг сексуальной области и сферы отношений в свое время очень удивили ее. Абсолютно моногамные браки с этим таинственным слиянием, которое вроде как не допускало возможности супружеской измены, соседствовали с добрачной традицией спать с полоумными инопланетянками с Шаггитерры. Лебединая верность и обезьяний промискуитет рука об руку поражали воображение Кей-Ше, но еще больше ее удивляла терпеливость горианок, которые сохраняли невинность столько, сколько требовалось, до брака, даже если они получали первое предложение лет в двадцать пять.

"Любит ли Берк секс, как люблю его я?" – на секунду задумалась Кей-Ше, глядя на мягкие бархатные диванчики самых разных форм и размеров. Да-а-а, комната для слияний – это сплошной разврат. Воображение само собой мчится вскачь при одном только взгляде. На каждой из этих кушеточек хотелось попробовать как минимум две-три разные позы.

Ее бросило в жар, и Кей-Ше вышла наружу. Нет, осматривать эту комнату тайком было глупой идеей – когда Берк снова просканирует ее, он же увидит все, что она делала. Зачем давать себе лишний повод испытывать чувство стыда? Впрочем, после того, что он уже увидел, наверное, хуже он о ней думать не сможет. Ведь она, в отличие от терпеливых горианок, никогда не отказывала себе в общении с симпатичными мужчинами на Октиании. И это еще

не самое компрометирующее из ее прошлого, с которым он сегодня ознакомился полностью одним махом.

Продолжив исследовать его дом, Кей-Ше изо всех сил старалась держать себя в руках, но получалось плохо: восторг и невольная радость рвались из груди на каждом шагу. Хотелось прыгать, особенно в ванной. Она будет жить здесь – пусть не слишком долго, но у нее хватит времени этим насладиться. Гигантской роскошной ванной комнатой, потрясающей паровой установкой для крылатых, ароматными шампунями и кремами, невероятно мягкой постелью в спальне, и удобной гостиной, и красивой столовой, и баром со свежими соками и другими напитками, которые она еще даже не пробовала... вкусной едой и лежаками в саду. Как, живя в таком доме, не умереть невзначай от счастья?

А если бы все было по-другому? Что бы она могла почувствовать, если бы на самом деле была землянкой, а Берк – идеально подходящим ей женихом? Что бы она ощутила, если бы он начал ухаживать за ней? Нет, об этом думать не стоило. К тому же, горианец не вызывал у нее никаких особенных чувств, даже немного отталкивал. Слишком сильный телепат. Слишком умный, весь какой-то чересчур идеальный. А хуже всего, конечно, что видит ее насквозь.

Как вообще с таким мужчиной можно играть во флирт и ухаживания? Он же будет умирать от скуки, а она – чувствовать себя обманутой. Нет. Ей, скорее всего, очень повезло начать с этим человеком именно деловые отношения. Чем бы она ни могла быть ему полезна – стоило за это держаться. Вот только надо получить от него твердое обещание, что после окончания эксперимента он поможет ей остаться на этой планете. Говорят, горианцы всегда выполняют свои обещания.

Глава 3

Берк

Молодая женщина с искаженным от тревоги лицом заламывала руки, то меряя его кабинет шагами, то замирая на месте в замешательстве. Ее муж с отрешенным видом стоял у окна. У обоих невооруженным глазом были видны травмы, но Берка интересовали не они, а их дочь. Хотя эти двое, по правде, ужасно раздражали. Он не понимал таких людей. У обоих потенциал до высшего, и оба сознательно остановили свое телепатическое развитие после школы. Икан эс-Керсе – на уровне чуть выше среднего, его жена – не добравшись даже до середины. Люди обычно называли такое: "у меня другие цели в жизни" или еще так: "не каждому дано быть лучшим". Вариант, который бесил его особенно, звучал как: "я не ищу лишней боли в жизни". Можно подумать, хоть кто-то ее специально ищет, как самоцель: где бы мне еще больше боли найти, на случай, если не хватит случайно обломившейся?

Бывало, по молодости он спрашивал: а зачем вы учились ходить? Говорить? Ползали бы по полу на четвереньках, мычали и тыкали в предметы. Это же так больно и мучительно: учиться идти и падать, просиживать часами в школе, корпеть над тетрадами с горианским языком, экзамены сдавать. Зачем читать? Зачем считать?

Но как правило все эти вопросы приводили лишь к бесплодной дискуссии, а также к тому, что в эмоциях его собеседников начинали читаться признаки незалеченных психотравм, и Берку приходилось быстро сворачивать подобные разговоры. Он знал, что многих раздражает одним фактом своего телепатического превосходства. Глядя на него, большинство людей либо отгораживались от мыслей о его уровне, либо мгновенно чувствовали себя неполноценными, и при этом проникались к нему весьма недружелюбными чувствами.

Как будто он был виноват, что им просто лень достичь собственного потенциала. Как будто он виноват, что чаще других был готов испытать боль и часто вообще не принимал ее в расчет на пути к своим достижениям. Точнее, не так. Просто он всегда предпочитал сильную и непродолжительную боль той, что тупо ноет и тлеет годами. Как у этих двоих, которые дошли до верха бездумного упрямства: не лечили явные травмы не то из соображений экономии, не то из боязни неприятных ощущений.

И примерно из таких же соображений они исходили сейчас, говоря о своей дочери. Совершенно безумных, с точки зрения Берка, соображений, учитывая то, как она была больна.

– Никамая не вполне понимает, на что идет. Ей еще нет шести, – заламывая руки, убеждала нервная мать. Отец молча кивал. Оба они понимали, что Берк придерживается другой позиции, и оба прекрасно знали, что их дочь тоже хочет излечиться. Но, словно два больших ребенка, просто не могли удержать свою тревогу, фонтаном изливая ее на Берка, который с трудом мог вертикально сидеть в кресле после двух уроков со своими студентами и одной операции, не упоминая даже о глубоком сканировании поддельной невесты в первой половине дня.

Все, чего ему хотелось – это подписать документы о лечении Никамаи и лететь домой, но эти двое, казалось, вознамерились свести его с ума. К счастью, у них хватило уважения к нему, чтобы немедленно прилететь по первому письму вместе с дочерью, но теперь мозги и нервы обоих явно сдавали перед лицом сложного морального выбора, в принципе непосильного для телепата низшего порядка. И все, что они могли придумать для своего успокоения после сорокаминутной беседы – это переложить всю ответственность на него или отказать собственной дочери в нормальной жизни под более-менее удобным предлогом.

– Эста и Эсте эс-Керсе, позвольте мне подытожить, – устало изрек Берк, – Мы с вами уже выяснили, что риск есть, и он относительно невелик для такого сложного случая, как у Никамаи. У вашей дочери восемь шансов из десяти полностью выздороветь. С моей точки зрения, это немало. И да, я могу забрать пре-сезариат над Никамаей прямо сейчас, но вы должны понять, что в этом случае вы с ней увидите снова не раньше, чем через месяц.

– Это если она останется жива.

В безумном взгляде исподлобья эсты эс-Керсе проступили такие недвусмысленные признаки психической травмы, что даже ее муж вздрогнул и одернул жену:

– Маленькая, возьми себя в руки. Ты не можешь так говорить с эсте эс-Мэссе.

Берк подавил глубокий вздох и повернулся к Икану:

– Эсте эс-Керсе, Вы знаете закон. Ваша дочь написала мне полторы сотни писем и только что подтвердила свое желание лечиться в вашем присутствии. Она имеет право на лечение, и она совершенно точно имеет право быть излеченной до того, как ей станет намного хуже, а это случится в ближайшие три года. Если сейчас это – боль и неконтролируемые эмоциональные взрывы раз в день, то через три года это будет повторяться каждый час. К пятнадцати годам она перестанет адекватно воспринимать что-либо и будет вынуждена принимать лекарства, которые даже не избавят ее от боли и срывов, а только остановят деградацию. И да, в это время она сможет принять решение о лечении как взрослая, но соотношение возможного выздоровления и летального исхода будет уже не двадцать к восьмидесяти, а пятьдесят на пятьдесят. Вы действительно желаете дочери такой лотереи?

– Пожалуйста, не давите на нас! – вскрикнула из-за его спины эста эс-Кэрсе и снова заломила руки. Ее муж закаменел лицом и опять дернул головой, но на этот раз был скорее согласен с женой:

– Простите, Берк. Вы просто не понимаете. Просто у вас нет собственных детей, и...

– Довольно, я не обязан это слушать, – резко оборвал Берк и встал, – Вы этого хотели, и вы это получили. Вон из моей клиники. Никамая остается на лечение под моим пре-сезариатом.

Полчаса спустя, когда чета эс-Керсе давно убралась, с облегчением в эмоциях, которое они не имели никакой возможности скрыть от него, зато прекрасно скрывали от самих себя, Берк все еще сидел в кабинете. Он уже не мог работать, но и двинуться с места не мог – у него кончились все силы. Поэтому он просто сидел, смотрел в стену и погрузился в медитативное состояние, чтобы немного восстановиться.

– Эсте? – очень тихо спросил кто-то, приоткрыв дверь.

– Да?

Он поднял голову и еле заметно кивнул своему ученику, доктору телепатии Зарему эс-Каве, уже назначенному лечащим врачом Никамаи.

– Не могу поверить, что они просто так улетели, – тихо сказал Зарем, – мне пришлось ставить Никамае дополнительный блок, чтобы она не расстраивалась.

Берк послал ему насмешливую телепатическую улыбку:

– Ты еще такого насмотришься. В таких случаях половина родителей предпочитает отряхнуть крылья и свалить в туман, оставив всю ответственность нам. Это же так удобно – если что-то случится, они перед собой всегда оправдываются: "мы были против, нас заставили".

– Чудовищное лицемерие. Получается, они еще и расходы свалили на бюджет Сезариата?

– Получается.

Эмоции Зарема всколыхнуло презрение и гнев, и Берк снова улыбнулся. Он обожал этого тридцатилетнего безумно талантливого и очень искреннего парня:

– Ничего не поделаешь. Наше дело – вылечить Никамаю, а ее родителями пусть займется кто-нибудь другой.

– Эсте?

– Что?

Берк сузил глаза, не понимая, с чем связано странное выражение лица Зарема. Копаться под его мощными блоками не было сил, поэтому какое-то время мужчины просто молча смотрели друг на друга, пока младший доктор, наконец, не спросил:

– Вас можно поздравить с помолвкой?

Прозрачно-белые ресницы Берка опустились, губы тронула еле заметная улыбка:

– А. Ну, поздравь, если очень хочется. Хотя лучше бы ты вызвал мне транспортер.

– Конечно, эсте. Вы позволите мне завтра провести сканирование Никамаи?

– Конечно. Вся подготовка на тебе, не сомневайся, – ответил он и смог, наконец, подняться, чтобы лететь домой.

Возвратившись в свой дом, Берк нашел Кей-Ше сидящей в столовой – точнее, спящей за столом. Очевидно, она ждала его, то ли не решаясь, то ли не зная, как позвонить. Перед ней на столе стояла еда, накрыто было на двоих. Осторожно вытянув из-под тоненьких бледных пальцев коммуникатор, Берк с любопытством пролистал историю и не слишком удивился, когда обнаружил, что его невеста успела скачать половину бесплатной планетарной библиотеки по телепатии и пару книг уже начала читать. Да, легкомысленной эту октианку он бы не назвал.

У него еще толком не было времени обдумать результаты глубокого сканирования – во время этой процедуры информация поступает в мозг с огромной скоростью, большей части он даже не осознал и мог не осознавать никогда. Но ему надо было "распаковать" хотя бы ключевые моменты, чтобы мысленно познакомиться с ней. И в первом приближении ей удалось впечатлить его. По правде, Берк мало встречал таких целеустремленных людей, как эта девушка, а это качество было одним из главных, какие он ценил в людях. И еще у нее был очень, очень хороший потенциал. А в довершение ко всему, словно листочек мяты на мятном коктейле – работоспособность, выработанная годами. Не такая, как у него, конечно, но все же очень обнадеживающая.

Опустившись за стол, Берк без аппетита съел сладкий пирожок из корзинки с десертами, запил соком, глядя на светловолосую макушку спящей девушки. В какой-то момент она глубоко вздохнула, просыпаясь – почувствовала его присутствие телепатически.

– Который час? – пробормотала она спросонья.

– Неважно. Ночь. Иди спать, малыш, – посоветовал он ровным голосом, – завтра я разбужу тебя утром, у нас будет много дел.

– В клинике?

Она, наконец, проснулась, включилась и уставилась на него. В ее эмоциях сразу взметнулся целый ураган, и Берк мысленно вздохнул. Наряду с хорошим потенциалом у нее наблюдался темный лес из мелких травм и сильная расшатанность нервной системы. Работа по предварительному лечению предстояла немалая, хоть и не слишком глубокая.

– Да. Не вижу смысла откладывать эту работу, тем более, что я взял отпуск.

– Ради помолвки? – догадалась она.

– Да. Представь, я не думал, что моя невеста сбежит на Октианию, а вместо нее появишься ты.

Берк бесстрастно смотрел перед собой, с легким интересом копаясь в ее эмоциях: поймет ли его слова как шутку или как упрек? Если первое, то она здоровее, чем кажется, если второе – хотя бы будет понятно, в каком направлении для начала копать. Но реакции он, к своему удивлению, вообще не дождался – Кей-Ше восприняла его слова к сведению как голую информацию и просто кивнула, поднимаясь:

– Хорошо, спокойной ночи.

Когда она вышла из столовой, Берк почувствовал, как все его тело резко просыпается, активируя вспомогательные источники энергии, словно по сигналу тревоги. Будь оно все проклято: он что-то пропустил во время сканирования. И он не уснет, пока не поймет, что именно.

Кей-ше

Проснувшись рано утром, она несколько мгновений не могла понять, где находится. За последнюю неделю слишком много незнакомых интерьеров: центр предполетной подготовки на Октиании, потом космический корабль, секретная база на Горре-Центр, еще один космический корабль до Горры-3, потом космопорт и транспортер, где она сидела с Берком... Берк. Его дом. Ее новая спальня.

– Берк, у меня, кажется проблема, – с небольшим усилием подыскав горианские слова, начала она, найдя его в столовой.

– А?

Его взгляд, который он поднял от коммуникатора, выглядел диковатым. Перед Берком дымилась чашка молока. Он рассеянно ел какое-то печенье вприкуску, явно завтракая за работой, и Кей-Ше тоже невольно сглотнула слюну: накануне она толком не пообедала и не поужинала, поскольку перенервничала.

– У меня всего два платья, и оба уже... ну, несвежие, – робко сказала она, – я перебрала вещи... ну... ее. И они мне не подходят по размеру.

– А-а. Интересно, что бы ты сказала мне по этому поводу, если бы притворялась местной? – с внезапным любопытством осведомился он.

– Не знаю.

Кей-Ше села за стол и налила себе теплого молока, не понимая, почему Берк не сводит с нее своих ослепительно серебристых глаз. А напрягало ее это ничуть не меньше, чем накануне.

– Кей-Ше, у тебя действительно проблемы, но нехватка платьев – меньшая из них, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она светским тоном, с аппетитом набрасываясь на печенье.

– Тебе не хватает чего-то более важного, маленькая. Эмоций. Те, что есть, тоже не очень подходят по размеру.

– Я не совсем понимаю, – сказала Кей-Ше и, немного подумав, добавила в молоко фруктового сахара.

– Я думаю, тебе их убрали специально, малыш. А потом убрали память об этом. Я нашел большой провал в воспоминаниях.

– Это мешает твоему эксперименту? – ровным голосом спросила Кей-Ше, но в конце он все же дрогнул, и она тут же поняла, что внутри открывается какая-то бездна ужаса: если так, то она ему больше не будет нужна. Если она не будет нужна – ее депортируют.

– Не знаю. Но сначала в любом случае предстоит большая работа, если ты согласна восстановить все это.

– Берк. Мне... мне кажется, я чувствую страх. Значит, есть эмоции, верно?

– Я не сказал, что нет никаких эмоций. Я сказал, что их не хватает, – терпеливо повторил Берк, – Страх по поводу возвращения на Октианию у тебя действительно огромный. Несоразмерный. Догадываешься, в чем тут дело?

Медленно кивнув, Кей-Ше сделала еще один глоток молока:

– Они хотели, чтобы я боялась – это естественно. Но они и не лгали насчет тюрьмы и всего остального. Это правда, поверь.

– Возможно, – кивнул Берк. – Тебе будет легче, если я скажу, что в любом случае не сдам тебя властям?

– Не будет, – мотнула головой она.

– Почему? – спросил он невозмутимо, снова откусывая от печенья.

– Потому что я тебе не верю.

– А-а. Ну, ладно, – Берк встал и вышел из-за стола, – доедай скорее и собирайся. Слетаем в магазин за одеждой, а потом – в клинику. У нас очень мало времени.

Когда она услышала слово "слетаем", то была уверена: он снова имеет в виду транспортер, и без какого-либо волнения пошла следом на взлетную площадку за садом. Слишком поздно Кей-Ше сообразила, что там никак не мог припарковаться здоровенный летающий автобус, и на этот раз Берк вероломно предлагает ей свои крылья.

– Я не могу. Пожалуйста, – отшатнулась она, когда, наконец, все поняла.

– Ты сама однажды решила притворяться другим человеком, – ровным, но отнюдь не мягким голосом сказал ее жених, – если хочешь быть Сэмиллой, то учти, что она с детства привычна к такому способу передвижения.

– Но ведь никто не узнает...

– Узнает рано или поздно. Ты пока далеко не высшая, все эмоции и мысли любой встречный может прочесть прямо у тебя на лбу, Кей... то есть Сэм.

– Тебя это пугает? Что меня поймают, и ты тогда тоже будешь нести за это ответственность? – наугад спросила она, всматриваясь в его лицо, но на нем отражалось не больше эмоций, чем на личиках деревянных кукол, с которыми она играла в детстве.

– Я несу ответственность за тебя, но лично я пока не сделал ничего противозаконного, – возразил Берк и опустился на одно колено. Его огромные крылья размахом в несколько метров разошлись в стороны, обнажая широкую спину, которая неожиданно для нее оказалась очень красивой и мускулистой. Кей-Ше невольно залюбовалась и слегка порозовела – ради космоса, она еще не готова так тесно прижиматься к нему, хотя... ощущения в теле только что не кричали: "да, да и еще раз: да!".

Прерывисто вздохнув, она неловко подошла и наклонилась, прижавшись грудью к его загорелой горячей коже. Их тела разделял лишь один слой тонкой ткани ее линоса – горианского платья с завязочками на шее и обнаженной спинкой под крылья. Такие платья носили все горианки, поскольку даже не крылатые, которые пока оставались на Горре в большинстве, хотели во всем походить на крылатых.

Мужчины тоже носили рубашки с завязочками – и, надо сказать, этот фасон очень шел таким красивым людям, как Берк. Благодаря этому она могла любоваться его прокачанными руками, а теперь и спиной. И еще от него восхитительно пахло – Кей-Ше невольно глубоко вдохнула этот запах, с каждой секундой все глубже ощущая тепло, разливающееся по всему телу. В голове замелькали картинки, на каждой из которых был Берк в комнате для слияний.

– Будь добра перестать думать о близости, – негромко сказал он, повернув голову, и Кей-Ше застыла, невольно вцепившись в его плечи гораздо сильнее, чем планировала. О, дьявол. О, космос. Как она могла забыть, что он читает все ее мысли до одной? Какой позор...

Мучительно переживая какой-то детский, всеобъемлющий стыд, Кей-Ше не успела заметить, что произошло перед тем, как они оказались в воздухе. И только когда она поняла, что ветер уже свистит в волосах, страх с опозданием вернулся.

– Маленькая, пожалуйста, ослабь хватку – у меня будут синяки, – тем же ровным, невозмутимым голосом сказал Берк, снова слегка поворачивая голову, – и не стесняйся, мне нет дела до твоих эротических фантазий. Хотя... это было красиво.

– Что? – ошеломленно спросила она, слишком тихо, чтобы он мог услышать, но Берк снова услышал – в ее мыслях, конечно же.

– Я сказал это только для того, чтобы ты не паниковала на взлете, – терпеливо пояснил он и подобрал левое крыло, делая широкий плавный разворот. Соблазн посмотреть вниз преодолеть она не смогла, и тут же зажмурилась, снова вцепившись в него и дополнительно сдавив еще и коленями – где-то в районе бедер.

– Кей! – рявкнул он, снова дернув головой в ее сторону. На этот раз его тело напряглось – видимо, боль была довольно сильной.

– Извини.

С трудом ослабив хватку, Кей-Ше подставила малиновые щеки прохладному ветру и крепко зажмурила слезящиеся глаза, переживая глубокое замешательство. Под всеми этими блоками и непроницаемой маской Берк оказался не тем человеком, за которого она его принимала. Как минимум, он, оказывается, умел шутить и показывать эмоции, когда хотел.

Глава 4

Центральная планета системы горры. Сезариат

Одну из самых высоких точек планеты в тот день слегка заволокло туманом. У того, кто смотрел на него с расстояния в несколько мер, сквозь абсолютно прозрачную стеклянную стену, настроение было под стать погоде.

– Яксин, эвакуируйте нас из этой стеклянной банки, – раздраженно обратился Величайший к главному администратору Сезариата, советнику эс-Фарфе, – если мы планируем совещание на тему смерти, то это еще не означает, что я готов скончаться от удушья.

Яксин молча кивнул, прекрасно понимая, что причиной недовольства Сезара была вовсе не нехватка воздуха внутри огромного стеклянного зала для совещаний, где было не так уж душно, даже в эту влажную погоду. И все же он полагал, что Величайший, даже пребывающий в крайнем раздражении, как всегда прав: им всем требовалось сменить обстановку.

Сделав несколько распоряжений, эс-Фарфе пару минут спустя пригласил всех, кто собрался на эту встречу в узком кругу, на выход. И уже пару мгновений спустя шесть крылатых мужских фигур поднялись в воздух, следуя за Сезаром и Яксином в том порядке, который эти люди определили интуитивно: ближе всех к Величайшему летел глава службы охраны Сезариата Органес эс-Вьер, за ним – глава службы Межпланетных контактов Атимьен эс-Суар, а замыкали небольшую процессию командующий войсками планеты Халаэн эс-Эльте и личный советник Сезара по специальным операциям Тхорн эс-Зарка, назначенный на этот пост буквально на днях.

Тот факт, что сама должность была создана специально для Тхорна, очень сильно беспокоил и эс-Эльте, и эс-Суара, но они молчали: кадровые решения Величайшего не смел критиковать никто. Не наслаждался присутствием неофита и Яксин эс-Фарфе, который в принципе не приветствовал появления новых людей на высоких постах в Сезариате. И только Органес эс-Вьер, находившийся в крепких дружеских отношениях с Тхорном, искренне радовался его появлению в узком кругу официальных доверенных лиц Величайшего.

Полет небольшой процессии продлился недолго – более длительного путешествия, которое означало бы вылет за пределы охранной зоны, Органес эс-Вьер сейчас и не допустил бы: слишком напряженная царил атмосфера в столице. Он еще не знал, как докладывать Сезару о том, что впервые за последние двадцать лет на планете произошло убийство, и Горра-Центр официально перестала быть самой безопасной планетой системы, по крайней мере на ближайшие лет десять. Чудовищным совпадением, на его взгляд, было то, что это произошло в тот самый день, когда Величайший решил созвать совещание по вопросу резко возросшей смертности из-за прогрессирующей телепатической заболеваемости и травматизма.

Хмуρο глянув на эс-Суара, Органес гадал: кому из них придется докладывать об этом? О проблемах с октианцами он был наслышан уже давно и мысленно уже несколько месяцев как возводил благодарность Космосу за то, что не несет прямой ответственности за это направление. Но, получается, рано радовался. Не ожидал такой шокирующей глупости от инопланетян... не досмотрел.

Невидимые помощники эс-Фарфе за то время, что они добирались, еле успели накрыть огромный стол в наскальном саду, который официально относился к личным владениям Сезара, но использовался, судя по запущенному виду, редко. На обособленном скальном плато, не соединенном ни с одной грядой, бурно разрослись деревья, кусты и травы. Пространство вокруг каменного стола овальной формы было слегка расчищено, но кое-где ветви свисали так низко, что далеко не каждое из десяти кресел было готово для удобства участника беседы.

Отодвинув пару ветвей, Величайший окинул взглядом стол и прошел к самому удобному и чистому месту, предоставив остальным сражаться за свой комфорт с растениями. Эс-Фарфе слегка нахмурился, потирая лоб и явно чувствуя свою вину за плохую организацию. Тхорн, напротив, улыбнулся, без видимого дискомфорта располагаясь в сени огромного куста. А эс-Суар воспользовался возможностью излить часть своей тревоги и ярости на подсохшие ветви дерева, которые с треском поломал, расчищая себе место.

Наблюдая за каждым сквозь полуопущенные ресницы, Величайший спокойно дождался, пока все рассядутся, и посмотрел на Яксина:

– Начинайте, эс-Фарфе. Сначала расскажите всем то, что доложили мне вчера.

Эс-Суар и эс-Вьер переглянулись: оба были слегка удивлены словами Сезара и тем, что, по его мнению, могут не знать о чем-то, что известно советнику Величайшего.

Эс-Фарфе откашлялся и обвел всех невеселым взглядом серых глаз, слегка потускневшим от возраста и ответственности, которую этот человек привык на себе нести.

– Уважаемые эсте, я уверен, что все вы в курсе последней статистики. Смертность на Горре растет, во всей системе. Самое неприятное, что растет она на фоне повышения рождаемости, то есть люди чаще умирают от болезней в относительно молодом возрасте около двухсот лет и даже моложе. Умирают дети. В последнее время все чаще от телепатических травм и отклонений развития...

Сделав небольшую паузу, Яксин провел пальцем по своему коммуникатору, явно обращаясь к какой-то письменной информации, и продолжил:

– Но я хотел сообщить вам не о том, что вы и так прекрасно знаете. Вчера я доложил Величайшему и по его просьбе повторяю вам тревожные новости, которые пришли ко мне из управления здравоохранения. Ученые-генетики завершили проецирование текущей генетической линии горианцев, имея в виду все планеты системы. По их прогнозам уже в следующем поколении число рожденных с отклонениями увеличится на сто пятьдесят восемь процентов и превысит половину всех детей на Горре. А через два поколения здоровые телепаты будут редкостью среди новорожденных. Иными словами, – Яксин тяжело вздохнул и выключил коммуникатор, – мы в генетическом тупике.

Большинство сидящих невольно слегка отклонились от стола и снова переглянулись. Почти у каждого из них, включая Величайшего, имелись дети и все они были достаточно молоды, чтобы дожить и до внуков, и до правнуков. И до праправнуков, весьма вероятно, тоже. Стать свидетелем того, как вся планета превращается в подобие лазарета и сумасшедшего дома, очевидно, не хотелось никому из присутствующих.

– Почему? – вырвалось у эс-Эльте, но под пронзительным черным взглядом Сезара командующий войсками осекся. Это был явно не тот вопрос, которым следовало сейчас задаваться тем, кто отвечал за судьбу планеты.

– Ученые уже занимаются исследованием на эту тему, – ответил Сезар тоном, мягкость которого словно спорила с его собственным осаживающим взглядом, – давайте рассмотрим варианты выхода из этого кризиса. Яксин?

– Эксперимент с землянами удался, – с готовностью кивнул советник, – рожденные дети здоровы, их генетические линии, продленные до десятого поколения, не содержат сбоев и повышенной вероятности заболеваний.

– Тхорн? – Величайший мягко посмотрел на того, кто сам несколько десятков лет назад привез на Горру первых землян, учил и адаптировал некоторых из них и знал о них и об этой планете не понаслышке.

– Я вижу прямой смысл установить контакт с Землей и переселять их массово, – кивнул эс-Зарка, – но я не уверен, что это решит проблему, которая возникла прямо сейчас. Мы не успеем. Полноценное установление контактов и смешение населения хотя бы на тридцать процентов – это минимум пять поколений. Сто – сто пятьдесят лет. Даже на то, чтобы объяснить

им, кто мы такие и почему так хорошо жить на Горре, преодолеть подозрительность и научить их азам телепатии в массовом порядке уйдет лет пятьдесят. При условии, что мы мобилизуем половину Горры-Центр заниматься исключительно их адаптацией, лечением и обучением.

Величайший медленно кивнул, и все разом отвели глаза в стороны. Эксперимент с Землей удался и провалился одновременно: слишком поздно. Теперь, в одном шаге от успеха, им нужно было придумать что-то другое или катастрофы не миновать.

– Эс-Суар? – Величайший повернул голову в сторону главного специалиста по межпланетным контактам, и следом повернул головы весь стол.

– С октианцами проще, в том смысле, что они хотя бы о нас знают, – кивнул беловолосый Атимьен, едва дождавшись своей очереди говорить. Его почти прозрачные светло-голубые глаза блеснули, – многие из них хотят жить на Горре и еще у них последние годы развернута целая программа по поиску телепатов. Уже найдены и обучены сотни людей, которые мечтают о переселении.

– Сколько? – уточнил Сезар.

– Точно не знаю. Мы выясним, – кивнул эс-Суар.

– Генетику исследовали? – вклинился эс-Фарфе, жадно вперив в него взгляд.

– Конечно. Они нам подходят. Но есть проблема с их правительством. Они в последнее время очень агрессивно себя ведут и, боюсь, если поймут, что нам от них нужно, будут использовать это как рычаг давления...

– Не надо бояться. Надо сделать так, чтобы они ясно увидели свою выгоду, – перебил Сезар, – Что еще вы хотели доложить мне, эс-Суар?

– У нас растет число шпионов по всей системе. По вашему распоряжению, Величайший, мы их пока не выявляем официально и продолжаем наблюдать, но, боюсь, они все же выходят из-под контроля...

По тому, как омрачилось лицо Величайшего, эс-Суар понял, что Сезар, в отличие от всех присутствующих за столом, в докладе уже не нуждается: знает и об убийстве, и о прочих бесчинствах шпионов. Коротко доложив об этом остальным присутствующим, он опустил глаза в стол, ожидая реакции Величайшего. Но тот, против его ожиданий, никак это не прокомментировал и задал лишь один вопрос:

– Убийца пойман?

– Да, – немного севшим от негативных эмоций голосом вклинился эс-Вьер – за поимку преступников, конечно, отвечала его служба. – Это октианец, слабый телепат с травмами.

– Он вменяем?

– Да, Величайший.

– Мы отправим официальную ноту протеста на Октианию. Достаньте всех шпионов на Центре и арестуйте. С этого и начнем переговоры.

– А как же насчет других планет? – невольно возмутился эс-Суар, ожидавший от Сезара более радикальных мер после такого шокирующего события.

– Я сказал: на Центре, вы не ослышались. За остальными усильте контроль. Следите за каждым шагом, если нужно, но пока не трогать, – процедил Величайший. – Халаэн, мы можем обеспечить нужный уровень контроля при вашем содействии?

– Да, Величайший, – коротко ответил по обыкновению немногословный командующий войсками.

– Благодарю. Эс-Зарка?

– Спасибо, Величайший, – кивнул Тхорн и положил перед собой руки на каменную столешницу, слегка наклоняясь вперед, – уважаемые эсте, у меня, как вы знаете, особая миссия. В ближайшие годы я буду отвечать за адаптацию землян, октианцев и любых других инопланетян, которых мы будем принимать и расселять на Горре. Понимаю, что в некотором смысле

мы будем находиться в оппозиции, особенно с тобой, Органес, но все же прошу вашего содействия, насколько это будет возможно.

– Чтоб тебя, – пробормотал Органес, глядя на того, кто буквально минуту назад мнил себя соратником, а оказался противником. Разумеется, Тхорн был прав: если он станет своеобразным попечителем всех инопланетян, то будет первым, кто на каждом шагу станет противостоять всем ограничениям против них, направленным на охрану порядка и безопасности. И такого сильного противника Органес себе совершенно не желал.

– Эс-Вьер, вам предстоят месяцы и годы очень трудной работы, – тут же добавил Сезар, посмотрев на Органеса так, что в его взгляде всем присутствующим даже почудилось нечто вроде сочувствия, – обеспечивать безопасность всегда непросто, если она не в приоритете. Но вы сами понимаете ситуацию: без инопланетян нам не выжить. И да, многие из них будут нарушать наш порядок, правила и законы, так что придется усилить контроль. Вашей службе будет выделено дополнительное финансирование, мы расширим штат. И все же я хочу, чтобы это делалось мягко.

– Да, Величайший, – ответил Органес единственное, что мог ответить Сезару вслух, в то время как в мыслях его было одно сплошное: "невозможно" – и, разумеется, Величайший мог читать эти мысли насквозь.

– Позвольте уточнить кое-что, – снова вступил в беседу главный дипломат планеты Ати-мьен эс-Суар, – будем ли мы начинать переселение октианцев с Центра, как землян или...

– Нет, – отрезал Сезар, – Центр остается управляющей планетой и должен быть в большей безопасности. Мы начнем с Горры-3. Там военная база и, если я правильно понимаю, будет проще в плане борьбы с преступностью.

– Совершенно точно, Величайший, готов лично проконтролировать, – кивнул командующий войсками эс-Эльте, добавив еще шесть слов к сказанным до этого двум.

– Какая прыть. Может, и сами жену там подыщите среди вновь прибывших, – саркастично вставил Органес эс-Вьер, внезапно осатаневший из-за этого наглого вторжения военного в сферу своих интересов.

– Может, и подыщу, – ничуть не задетый, миролюбиво отозвался пятидесятилетний Халаэн, почти не поворачивая головы. Самый молодой из всех присутствовавших и в том числе поэтому холостой, главнокомандующий привык спокойно относиться к любым попыткам себя укусить – иначе бы не выжил на таком посту.

– Органес, никто не умаляет вашей ответственности и заслуг. И вы гораздо больше нужны мне здесь. Согласитесь, будет неплохо, если Горру-3 проконтролируют войска в такое простое время, – умиротворяющим, почти гипнотизирующим голосом обратился Сезар к начальнику службы охраны.

– Конечно, – мгновенно остывая, согласился Органес и наклонил голову. Он умел быстро брать себя в руки, особенно в таких ситуациях, когда выбора не было.

– Если картина в целом ясна, перейдем к деталям, – предложил Сезар, протягивая руку за кувшином с водой, чтобы наполнить свой стакан. Другие участники совещания тоже потянулись за напитками. Обговорить предстояло еще очень многое, и каждый с радостью воспользовался минутной передышкой перед тем, как погрузиться в многочасовую дискуссию о том, как организовать самые масштабные перемены в жизни планетарной системы за последние двести-триста лет.

Глава 5

Горра-3. Берк

Он многого не учел в первые часы работы с Кей-Ше. Предупредив ее о том, что будет очень неприятно, он не до конца понимал, как сильно она ослабеет за считанные часы. К обеду ему самому стало не по себе от того, как глубоко приходилось лезть без ясного обзора через сканирование. Он касался некоторых зон вслепую, и она сразу начинала плакать, не понимая, от чего рыдает. Не понимал этого и Берк – там могли быть как плохие воспоминания, так и хорошие. Она могла плакать как от чувства потери, так и от настоящей боли, которую не могла ни вспомнить, ни осознать.

– Прервемся, – наконец, скомандовал он, когда усталость и чувство голода стали почти невыносимы. И только тогда, выпустив ее из увода, понял, что Кей-Ше лежит ничком на койке и не может встать, давно уже ослабев сверх всякой меры, даже с учетом двух капельниц, которые он ей поставил сразу.

Выругав себя, Берк склонился над ней:

– Маленькая. Ты меня слышишь?

– А?

С трудом подняв веки, она медленно сфокусировала на нем мутный взгляд:

– Ничего... не вышло?

– Мы проделали большую работу. Я добавлю тебе витаминов.

– Не морочь мне голову. Это ведь просто диагностика, – выдавила она, снова закрывая глаза.

Берк молча глубоко вздохнул, поднялся и вышел из ее палаты. Он чувствовал такую беспомощность, какой не поддавался уже очень давно. Итак, позади четыре часа очень интенсивной работы по диагностике, результаты нулевые – тут Кей-Ше права, и, к тому же, она крайне измучена. Блестящая работа лучшего телепата на планете.

Оставив распоряжение персоналу хорошо покормить Кей-Ше и удвоить дозу витаминизированной смеси, он направился на взлетную площадку и перелетел в ближайшее кафе, где встретил одиноко обедающего Зарема. Глаза его ученика и ближайшего помощника во всех делах удивленно округлились:

– Эсте эс-Мессе? У вас же отпуск. Вы же говорили, что прилетите вечером.

– Я работаю над своим проектом, – коротко пояснил Берк и кивнул на свободное место за столиком, – присоединюсь?

– Конечно. Как себя чувствует ваша невеста после перелета?

Внимательно посмотрев на Зарема, Берк внезапно понял, что без его помощи не обойтись. Он слишком привык за три последних года сбрасывать всю рутину на него. Слишком много всего на себя нагрузил, чтобы проверить теперь это в одиночку.

– Моя невеста – октианка. Чувствует она себя отвратительно и лежит сейчас в нашей клинике.

– Что? – поперхнулся Зарем. Его глаза, не успев вернуть нормальную форму, снова выкатились и на этот раз стали похожими на мультяшные – как у одного из персонажей, которые вечно прыгают с экрана на экран в детском отделении.

– Да. Тебе придется сохранить эту тайну, но деваться некуда, верно? – скучающим голосом спросил Берк и подозвал официанта, чтобы сделать заказ, тем самым предоставив своему собеседнику время на то, чтобы прийти в себя.

– Я не понял. Эсте эс-Мессе, вы что, шутите? – тихо осведомился Зарем, когда официант удалился.

– Нет, как это ни странно, – не глядя на него, ответил Берк. Но эмоции и мысли на всякий случай просканировал и, разумеется, среди шока и искреннего испуга не обнаружил ничего похожего на желание предать его. Что ни капли не удивило: Зарем его обожал и ради возможности учиться у лучшего телепата планетарной системы мог бы утаивать от властей даже десяток октианцев и тайник с наркотиками в придачу, если бы это по каким-то причинам понадобилось Берку для его работы.

К вечеру они успели многое. Зарем проштудировал тонны литературы в сети на тему экспериментов на низших планетах и нашел для Берка несколько гипотез, нуждающихся в проверке. Одна другой хуже: к своему ужасу и отвращению, они узнали многое, о чем предпочли бы не знать: на диких планетах в попытках освоить телепатию практиковали чудовищные издевательства, от полного уничтожения памяти до удаления части мозга.

– Они что, серьезно верят, что калека может быть полноценным телепатом? – в сердцах спрашивал вслух Зарем, зачитывая ему куски нужных материалов.

– Я думаю, на полноценность они не замахиваются, – вздохнул Берк, потирая ладонями лицо, чтобы взбодриться, – все они ищут рецепт волшебного превращения.

– Как из нетелепата сделать телепата, – презрительно фыркнул Зарем, – как будто это решило бы все их проблемы.

– Хорошая новость в том, что физически Кей-Ше здорова, ей не делали никаких ужасных операций на мозге, – сказал Берк. – Плохая – в том, что память ей затирали и эмоции немилосердно искорежили. Я даже не смог активировать эти зоны.

– Я могу вам ассистировать в следующий раз? – тихо спросил Зарем, затаив дыхание.

Берк криво улыбнулся:

– От того, что мы вдвоем зайдем в увод, ей легче не будет, мягко говоря. Лучше расскажи мне о Никамае.

– Я провел сканирование, ваш диагноз, конечно, точен, – Зарем с готовностью, несмотря на легкое разочарование, переключился на свою пятилетнюю пациентку, – У нее врожденная телепатическая гиперчувствительность. Лечение можно начать с сегодняшнего дня.

– Как она в целом?

– Хорошо. Немного скучает по родителям, но я прикрываю эти эмоции, и еще с ней все время кто-нибудь занимается и играет.

– Хорошо. Пойдем взглянем на нее, – кивнул Берк и поднялся, – а потом я пораньше полечу домой. Мне очень нужно выспаться.

– А как же ваша не... веста?

Зарем немного осекся к концу фразы, поймав жесткий взгляд Берка, но тот тут же взял себя в руки и качнул головой:

– Останется здесь. Она все равно не сможет сегодня никуда лететь.

Немного поколебавшись, он снова поднял усталый взгляд на Зарема:

– Присмотри за ней тоже, ладно?

– Конечно, эсте. Я присмотрю, не волнуйтесь, – с готовностью кивнул эс-Каве.

Домой Берк возвращался в таком угрюмом состоянии, что люди, летевшие навстречу, невольно шарахались, сами не понимая, почему огибают его на гораздо большем расстоянии, чем требовалось. Он чувствовал себя полнейшим ничтожеством, беспомощным, как младенец.

*** Кей-Ше

Она так плохо себя чувствовала, что постоянно просыпалась – как будто плыла по поверхности болезненного сна, то захлебываясь в нем, то погружаясь в приятную темноту и даже выравнивая дыхание в ней, под ней... но потом ее снова что-то выталкивало на поверхность,

где было зябко, противно, некомфортно. Где она ощущала сухость губ и тянулась за водой, а потом снова засыпала и просыпалась то от жара, то от озноба.

Сколько проходило времени между этими "всплываниями" она сама не понимала и каждый раз удивлялась, глядя на часы: то ей казалось, что прошла целая вечность, а она спала всего десять минут, то, наоборот, думала, что лишь на минутку закрыла глаза, но проходил час или два. К вечеру Кей-Ше почувствовала, что больше не может лежать с закрытыми глазами и пытаться снова и снова заснуть поглубже, каждый раз терпя в этом неудачу. Она с трудом подтянулась и села. Рядом тут же появилась молчаливая сиделка, горианка. Синие волосы, кроткий взгляд, ровный телепатический фон... неприятно кольнула мысль, что они равны по телепатическому уровню. Как же так, это же простая медсестра, а она, Кей-Ше, на Октиании считалась сверхчеловеком.

Глупо было гордиться почти неразвитыми способностями, доставшимися ей от рождения, но поскольку Кей-Ше гордиться было больше нечем, она всегда радовалась, что не похожа на других. Она была счастлива, что стала телепатом, что столько училась, столько страдала, строила такие грандиозные планы, столько добилась... здесь же, на Горре, все ее достижения словно обнулились, все прошлые страдания превратились в бессмыслицу. Здесь люди достигали тех "вершин", что и она, просто по факту рождения, без каких-либо усилий, и здесь ей стало совершенно очевидно, что никакие это не вершины. Это едва ли не самое дно глубокого оврага, из которого только предстояло выбраться.

– Как вы себя чувствуете, эсте эс-Нэрка? Хотите поужинать? – спросила горианка негромким, каким-то неприятно-вкрадчивым голосом.

– Прекрасно. Где Берк? – требовательно процедила Кей-Ше, не в силах сдержать иррациональной агрессии, ненависти к ней. Ей не нужна была эта горианка. Ей нужен был эс-Мессе. Она пришла в себя, отдохнула – самое время продолжить. Нужно, чтобы получилось хоть что-нибудь, пока она не сошла с ума от неизвестности и страха.

– Эсте эс-Мессе уехал домой. Он вернется завтра утром, – еще тише ответила горианка.

Кей-Ше молча уставилась на синеволосую дылду, которая, на глаз, была на голову выше нее. Ей показалось, что горианка насмехается, и она мысленно представила, как хватает свой стакан воды с тумбочки и запускает ей в голову. Инстинктивно проверив блок, она сделала глубокий еле слышный вдох, чтобы снова обрести дар речи. А затем процедила, едва размыкая сухие губы:

– Хорошо. Оставьте меня.

Что-то прошелестев, горианка тихо, как тень, покинула ее палату. Кей-Ше молча посмотрела в стену, намеренно расфокусировав взгляд. Перед глазами поплыли голубые круги, эмоции немного улеглись, но осталось какое-то тянущее чувство. Он уехал. Бросил ее в больнице – разумеется. Она ему никто, и с какой стати он должен заботливо сидеть рядом или везти ее домой каждый вечер? Он просто запрет ее здесь и будет ставить свои эксперименты, а она будет его подопытным кроликом. И, наверное, она это заслужила.

Дверь в палату снова открылась в тот момент, когда Кей-Ше была готова меньше всего: на ее глазах выступили беспомощные слезы жалости к себе, тело начало слегка дрожать. Она проваливалась в отчаяние.

На секунду подумав о медсестре, Кей-Ше испытала вспышку ненависти: как она посмела снова беспокоить ее в такой неподходящий момент? Но, встретившись глазами с огромным мужчиной, вздрогнула от неожиданности и невольно вжалась в спинку кровати. Черные глаза – не такие пронзительные, как у Берка, но пугающе необычные для горианца – обожгли до самого нутра.

На мгновение ее сердце ушло в пятки, потому что ей показалось, что это октианец, но его темно-серые крылья мгновенно развеяли сомнения – они качнулись за спиной, как огромный плащ, когда доктор повернулся, чтобы закрыть дверь. О том, что это именно доктор, говорила

темно-зеленая форма, такая же, как у Берка. Кей-Ше медленно перевела дыхание, украдкой вытерла слезы краем одеяла и принялась тщательно осматривать вошедшего. Крепкий, внешне холодный, как все горианцы, очень коротко стриженный и очень деловитый – судя по походке.

– Здравствуйте, эста эс-Нэрка. Меня зовут Зарем эс-Каве, я ваш второй лечащий доктор, – сказал он после некоей паузы, словно специально дал ей время хорошенько себя рассмотреть прежде, чем начать разговор.

– Супер, – коротко отозвалась Кей-Ше, еще не зная как реагировать. Почему Берк не предупредил об этом? Черт бы его побрал.

– Я высший. Мой плюс в том, что я не читаю мыслей в отличие от эсте эс-Мессе, – с этими словами, сопровождаемыми обезоруживающей телепатической улыбкой, Зарем подвинул стул и сел рядом, протянув ладонь:

– Позвольте вашу руку?

Кей-Ше послала ответную, немного растерянную улыбку и протянула руку, не без опасений наблюдая за тем, как Зарем прикладывает к ее запястью холодный кругленький металлический прибор размером с монетку.

– Это измеритель жизненных показателей. Я могу и сам их измерить телепатически, но не хочу беспокоить вас сканированием. И, к тому же, эта штука передает сведения напрямую в вашу электронную карту, – пояснил он, снова улыбнувшись Кей-Ше.

От двух телепатических улыбок подряд ей внезапно стало очень тепло. Еще никто на Горре не баловал ее этим, и она даже не подозревала, насколько истосковалась по простому дружелюбию за последние дни.

– У тебя сейчас эмоциональный провал после длительного сканирования, это нормально, – мягко продолжил Зарем. – Мы с тобой поужинаем, если хочешь, и посмотрим что-нибудь забавное, чтобы ты могла восстановиться, хорошо?

– Забавное?

Кей-Ше заметила, как доктор в наглую перешел на "ты", но сил на возражения у нее не было – проще было согласиться с этим, тем более, что он выглядел доброжелательным.

– Да. Комедию. Тебе нравятся смешные фильмы?

– Не уверена.

– Вот и узнаем наверняка, – снова улыбнулся Зарем. – Сладости любишь? Хочешь начать с десерта?

– Вы серьезно?

– Абсолютно. Я специалист по нарушению больничных правил, особенно когда Берка нет. Здорово, да?

– Забавно.

Кей-Ше на этот раз улыбнулась еще и лицом, но тут же в эмоциях промелькнула тень: это же просто уловка. Он разводит ее как ребенка, чтобы вызвать доверие.

– А бить посуду будем? – холодно спросила она, тут же отстраняясь и отдергивая руку.

Их взгляды снова встретились, и на этот раз Зарем не улыбнулся ей телепатически, но внезапно молча снял блок, продемонстрировав полный штиль в эмоциях. Глаза Кей-Ше расширились:

– Что вы сделали?

– Просто снял эмоциональный блок. Иди, я тебя впускаю. Хочешь узнать, насколько я честен?

Не сводя с него глаз, Кей-Ше осторожно просканировала его эмоции – как умела. Ей было очень неловко и страшно, но упустить такой шанс она не могла. Никогда за всю ее жизнь телепат с более высоким уровнем не снимал перед ней блоки. На Октиании все тренировались в сканировании только на более слабых. О том, чтобы ее учителя позволили проникнуть в свою

психику, она и помыслить не могла: ясно же, что у всех свои травмы, свои хитрости. Кто же покажет настоящие мысли...

– Боже, – прошептала она, когда ошеломленно ощутила всю полноту и целостность его психики – никаких травм, никакой видимой ущербности. Было похоже на то, как она впервые входила в президентский дворец, пораженная высокими потолками, мраморными полами, роскошным убранством и узорами на стенах. Размахом огромных залов и лестничных пролетов... у Зарема в эмоциях было также. Она понятия не имела, что человеческое существо способно на такой диапазон ощущений. И, пока она была внутри, она тоже могла это чувствовать, словно внезапно из бетонного барака оказалась во дворце в невероятно прекрасном наряде и шла своими ногами по роскошному мрамору, и видела в высоких зеркалах свое отражение, а потом ее вдобавок пригласили к праздничному столу, за которым можно было попробовать на вкус самые лучшие десерты: тепло, нежность, любовь...

Кей-Ше заплакала и не поняла, в какой момент оказалась в теплых поддерживающих объятиях. Она почувствовала только когда сама потянулась к нему и обняла, спрятав руки на спине под его крыльями, глубоко согреваясь в его тепле, в его эмоциях, в его немного сладковатом запахе, похожем на аромат ягод, смешанный с мятой... в лекарствах, которые ей давали, тоже часто ощущался этот вкус.

– Ты снова поставил блок, – прошептала она, когда поняла, что повеяло прохладой.

– Не потому, что я от тебя скрываю что-то. Просто тебе это много, – прошептал он, погладив ее по голове словно ребенка, – мои эмоции пока еще тебе велики.

– Знаю, – кивнула Кей-Ше и сглотнула.

Зарем немного отодвинулся и перевел взгляд на ее стакан:

– А, кстати, если хочешь...

Кей-Ше изумленно посмотрела на него, потом немного испуганно взглянула на стакан, почти пустой:

– Не-ее.

– Можно, – сказал Зарем и снова послал ей телепатическую улыбку.

– Не знаю.

Она протянула руку и отдернула, но потом почувствовала прилив сил и уверенности, словно из ниоткуда, и тогда снова быстро протянула пальцы, схватила стакан и со всей силы бросила в стену.

Зарем издал тихое восклицание и инстинктивно накрыл ее своим телом, поднимая крылья, но осколки не ранили их.

Через мгновение они оба выпрямились, глядя друг на друга с изумлением и захохотали, как сумасшедшие. Когда заглянула испуганная шумом медсестра, Кей-Ше засмеялась еще громче и замахала рукой:

– Все в порядке. Извините.

В этот миг она почти физически почувствовала, как ее отпустило. Она больше не злится на горианку и больше не жалеет себя... по крайней мере, в ближайшие полчаса.

* * *

Неделю спустя Кей-Ше уже казалось, что она в клинике целую вечность и потихоньку начинает сходить с ума. Каждый день начинался как фильм ужасов и заканчивался как прекрасная сказка. С утра приходил Берк. Хмурый, холодный, безжалостный. Он затягивал ее в увод, и она теряла сознание. Он каждый раз спрашивал ее, что она помнит, но как Кей-Ше ни силилась, она не могла вспомнить ничего. Приходила в себя только к обеду, вся зареванная, без сил, и уже не решалась посмотреть в его разочарованные глаза. Как ни странно, страшнее

и печальнее всего ей было разочаровывать этого человека – ведь она целиком зависела только от него.

Послеобеденное время Кей-Ше обычно спала, иногда ела, если были силы. А потом появлялся Зарем. Теплый, добрый, очень спокойный и сильный. Чаще всего он заставлял ее выходить из палаты, хотя она чувствовала ужасный упадок сил, и каждый раз эти маленькие прогулки ей нравились, даже при том, что они не покидали стен клиники. Он показывал ей потайные и публичные места и всегда рассказывал очень интересные вещи. Однажды даже подвел к операционной – в смежную комнату, предназначенную для наблюдений, и Кей-Ше получила возможность проследить за работой горианских докторов.

– Это гипнотерапевт, он высший телепат, – рассказывал Зарем, указывая на горианца, стоящего у изголовья пациента. Он смотрел ему в глаза все то время, пока работал хирург.

– Значит, это правда? – изумленно спросила Кей-Ше. – Вы не используете лекарства для обезболивания?

– Не всегда. Другие больницы дифференцируют подход, но в нашей клинике мы всегда используем только увод, – с нескрываемой гордостью сказал Зарем.

– А ты... ты тоже так можешь?

– Да, я тоже делаю эту работу время от времени, – подтвердил горианец, безотрывно наблюдая за врачами. С той секунды, как они встали у стекла, врачи почти полностью поглотили его внимание, и Кей-Ше стало ясно, что Зарем – почти такой же фанат профессии, как и Берк.

– А ты не чувствуешь боли, когда уводишь пациента? – спросила она, с тревогой прикусив губу, как только представила, что бедный гипнотерапевт вынужден вместо пациента терпеть даже часть боли от операции. Во многих пособиях по телепатии писали, что происходит именно так.

– Это байки. Уводящий вовсе не обязан чувствовать боль того, кого уводит, – мягко пояснил Зарем, послав ей телепатическую улыбку, – конечно, так может произойти, если у этого горе-сканера недостаточно высокий уровень. Но для этого на должность гипнотерапевта-анестезиолога и берут только высших.

Кей-Ше продолжала задавать вопросы, и Зарем доброжелательно рассказывал все, что ее интересовало, так что с каждым днем она все с большим любопытством ждала его появления. Они все чаще гуляли в больничном саду, и там он говорил с ней о горианских цветах и деревьях, о природе и обычаях, о стихах и песнях и обо всем, что приходило в голову. Там же они частенько встречали других больных и персонал, и постепенно Кей-Ше поняла, что Зарем – всеобщий любимец.

Совершенно по-другому все относились к Берку: его имя произносили с придыханием, но было заметно, что большинство работников совсем не рвется общаться с ним лично. Кей-Ше поняла это по тому, как часто люди просили Зарема передать ту или иную информацию главному телепату клиники. Кроме того, с Заремом каждый норовил перекинуться словечком и просто так: и медсестры, которые в основном были женщинами, и врачи, в основном, мужчины, и пациенты – как ни странно, в основном, дети.

– Здесь много детей... я думала, это взрослая клиника, – удивилась Кей-Ше, когда поняла, сколько вокруг малышей, с которыми в саду часто гуляли медсестры и родители. Большинство из них не испытывало никаких физических затруднений, и Зарем пояснил, что они находятся в клинике для лечения телепатических заболеваний, а не телесных.

– У нас нет такого разделения, – пояснил тогда он, – а детей здесь много потому, что во взрослом возрасте отклонения случаются, к счастью, реже. Тогда их сложнее излечить.

– Как у меня? – тихо спросила она, но Зарем не ответил, лишь послав ей ободряющий взгляд.

Возвращаясь в палату с этих прогулок, они вместе смотрели горианские комедии, ужинали, смеялись. Иногда он уводил ее и мягко помогал восстановиться, если Кей-Ше испытывала слишком много негативных эмоций после работы с Берком. Иногда пускал "к себе" и потихоньку учил ее сканировать – на более высоком, тонком, виртуозном уровне, чем когда-либо могли себе помыслить ее педагоги с Октиании.

– Зарем, а Берк знает, что ты учишь меня этому? – спросила она однажды.

– Думаю, да, он же читает твои мысли, – пожал плечами горианец.

– Я никогда не думаю о тебе при нем.

– Почему? – спросил он после небольшой паузы.

– Не знаю.

Кей-Ше пожалала плечами и послала ему телепатическую улыбку.

На седьмой день Берк сменил тактику и стал мучить ее по-другому, залечивая мелкие травмы. Надеясь, что ее чуть более целая психика пропустит его дальше туда, в самую темную темноту. За три дня Кей-Ше узнала о себе больше неприятного, чем за всю предыдущую жизнь. Вспоминая детство, она никогда не думала о том, сколько всего вытеснила из памяти, замела под ковер своих внутренних понятий о приличиях. Например, то, как воровала хлеб у других детей в интернате. И даже отнимала у тех, кто был слабее.

Вспомнив об этом, она испытала жгучий стыд и, ужасно разозлившись, процедила Берку:

– Не говори мне, что я не виновата.

– И не собирался, – ровным тоном, в котором ей почудилось презрение, ответил он.

Тогда щеки Кей-Ше пошли пятнами:

– И не смей осуждать меня. Ты понятия не имеешь, что такое быть голодным. Ты не знаешь...

Она начала задыхаться и замолчала, из последних сил сдерживая слезы.

– Я не осуждаю, – по-прежнему невозмутимо отозвался он, молча ожидая, когда она снова повернется к нему. Обычно Кей-Ше успокаивалась сама, поворачивалась, и они продолжали, но на этот раз она не справилась, сжалась в комок и стала слегка раскачиваться на месте:

– А следовало бы. Те дети тоже были голодными. Я не имела права...

– На что еще ты не имеешь права из-за этого? Быть счастливой здесь, на Горре? Обедать? Наедаться досыта?

– Да, – прошептала она, чувствуя тугой комок в горле. – Я не имею права.

– И что ты намерена делать? Спасти их всех?

– Да.

Последнее слово она прошептала почти беззвучно и прерывисто вздохнула из-за невыплаканных слез. Берк вздохнул вместе с ней:

– Ты не можешь спасти их всех. Особенно тех, кто уже умер.

– Я должна спасти хотя бы своих. Мне надо вывезти хотя бы мою семью.

– И они тогда будут счастливы?

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю. Но я должна это сделать для них. Хотя бы Асей-Ше и Кадита.

– И ее мужа, и его жену, и их детей, да? – безжалостно перечислял Берк.

– Да, – упрямо отвечала Кей, хотя с каждым его словом все больше понимала тщетность своих иллюзий.

– Даже если они не хотят?

– Они хотят.

– А ты спрашивала?

Ее плечи опустились. Кей-Ше внезапно поняла, что никогда не имела возможности поговорить об этом ни с кем из них.

– Кто из них когда-нибудь говорил, что хочет жить на Горре? Хотя бы раз? – безжалостно расспрашивал Берк. – Кто из них телепат? Кто из них готов терпеть то же, что и ты, чтобы стать им? Чтобы постоянно повышать свой уровень?

– Оставь меня в покое, – закричала Кей-Ше, вскакивая с койки, одергивая больничную майку. Ее волосы разметались по плечам. – Оставь меня хотя бы на день. Я хочу...

Она в панике огляделась по сторонам, надеясь зацепиться хоть за что-то, и зацепилась за зеркало на туалетном столике. В нем отражалась растрепанная, исхудавшая и очень усталая девушка, на которой висели даже эластичные больничные штанишки, которые в начале недели пришлось в пору.

– Я хочу отдохнуть от этого. Я хочу выйти отсюда, – пробормотала она, зажмуриваясь. Кей-Ше знала, что услышит: "Нет, дорогая, ты сама на это согласилась. У тебя важная миссия, ты участвуешь в серьезном проекте. Ты уже не можешь повернуть обратно. Ты не имеешь права сдаваться".

Ей всегда это говорили на Октиании, и Берк имел право повторить то же самое. У них договор: он прикрывает ее перед властями, имитирует помолвку как с землянкой, а она участвует в его проекте. Он имел право ответить ей это – но сказал внезапно совсем другое:

– Хорошо. Я выйду, переодевайся. Пойдем, погуляем.

– Ты... серьезно? – удивленно прошептала она, оборачиваясь, но он уже вышел и мягко прикрыл за собой дверь.

Следующие два часа они провели в огромном наскальном парке. На этот раз, перемещаясь на его крыльях, Кей-Ше нашла в себе смелость открыть глаза и поразилась, до чего красивым выглядело все вокруг: и синее небо, и ослепительное красное горианское солнце, и зелень на высоко вознесенных ладонях скал. На Октиании ей никогда не доводилось созерцать подобные виды с высоты, да и вряд ли там было бы так приятно летать, среди вечного смога или грязновато-серых облаков. На Октиании погода редко радовала – и северный, и южный континенты располагались в не самых благоприятных климатических зонах.

На Горре-3, по сравнению с октианцами, люди жили в тропическом раю. Здесь царило вечное солнце, и в то же время погода радовала умеренным теплом, а не выжигающей жарой, которая случалась в тех местах, где она росла. И долины далеко внизу радовали глаз буйной свежей зеленью. Но туда Берк спускаться не стал, а, наоборот, поднялся выше, и в результате они просто перелетели со скалы на скалу – на другую площадку. Восхищенному взгляду Кей-Ше предстал огромный каменный остров-парк, расположенный на чудовищной высоте. Ее сердце забилось чаще, а ноги даже ослабели в первые минуты после приземления – красота этого места буквально завораживала. Видит Космос, она очень нуждалась в этой прогулке.

Гуляющих в дневные часы попадалось мало, но место выглядело очень ухоженным и гостеприимным, и какое-то время они просто не спеша прохаживались среди цветущих деревьев, молча наслаждаясь красотой природы и свежим ароматным воздухом. Берк вел себя удивительно обходительно, купил мятные коктейли в высоких стеклянных стаканах и кулечек сладостей, на которые она невольно загляделась. Продавец улыбался им – наверное, они здорово смотрелись вместе: она в новом линосе из фиолетового горианского шелка, Берк в свежей рубашке и брюках – тоже переоделся для прогулки.

– Извини за истерику. Мне все время кажется, что ты меня осуждаешь, – решила негромко начать разговор Кей-Ше некоторое время спустя, когда они обсудили погоду, посещаемость парка и вкус сладостей из кулечка, нагулялись и присели на широкую удобную скамейку из камня, хорошо прогретого солнцем.

– Я не осуждаю, – сказал он спокойно и посмотрел в глаза так, что Кей-Ше внезапно поверила ему – впервые за все время, что они были знакомы. До этого все хорошее, что он говорил ей, вызывало подозрение, отторжение, но в тот момент что-то случилось – и она ощутила внезапное родство, даже притяжение. Его глаза немного светились, как всегда, а прямо

под ними залегли темные пятна: он тоже устал. Может, поэтому с такой готовностью ухватился за возможность сделать перерыв? Может, между ними гораздо больше общего, чем она думала?

– Берк, – шепнула Кей-Ше и порывисто коснулась ладонью его руки чуть ниже локтя, – тебе тоже было плохо, когда ты повышал свой уровень?

Он глубоко вздохнул и снова посмотрел в глаза, слегка повернув голову. Кей-Ше покраснела и отвела взгляд: когда он так смотрел, ей все время казалось, что она произнесла какую-то глупость. Но потом она поняла, что неверно интерпретирует его скупую мимику: Берк всего лишь собирался с мыслями.

– Когда мне было тринадцать лет, я прочитал одну книгу, – медленно начал он. – Ее написал человек, который посвятил всю жизнь развитию своих телепатических навыков. К сожалению, он уже умер и на протяжении всей его жизни телепатия на Горре не была так развита, как сейчас. Он был уже взрослым, когда планета перешла под протекторат центарианцев, а ты, возможно, знаешь, что до этого телепатов здесь было не больше, чем на Октиании.

Берк немного понизил голос, и Кей-Ше инстинктивно дернула головой, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь – но они сидели на приличном удалении от гуляющих прохожих, и ее жених говорил совсем негромко.

– Так вот, этот человек был одним из первых, кто смог повысить свой уровень до высшего, – не спеша продолжил Берк. – На это ему понадобилось больше ста лет, но он добился своей цели. Он был одним из первых людей, показавших всей Горре, что такое телепатия, помимо так развлекающей всех возможности читать чужие мысли. Он показал, как высокий уровень улучшает здоровье, дарит неиссякаемое счастье, удлиняет жизнь. Он пережил всю свою семью, включая детей. Он дожил до ста восьмидесяти лет, что сейчас совсем немного для нас, но тогда это было рекордом. И за тридцать пять лет до смерти снова женился, потому что сам был еще молод и здоров, тогда как его собственные внуки успели состариться. И он успел вырастить еще троих детей прежде, чем ушел от нас.

Кей-Ше слушала, непроизвольно задерживая дыхание. Она многое уже читала о развитии телепатии на Горре, но эта история была ей незнакома. Лицо Берка, обычно непроницаемое, вдруг оживило, и она с изумлением поняла, что может видеть его эмоции, его искреннее восхищение тем человеком, о котором он рассказывал.

– Что это за книга? – тихонько спросила она, поскольку Берк ненадолго замолчал, чтобы сделать глоток коктейля.

– Я дам тебе ее почитать, если хочешь, – сказал он и нетерпеливо взмахнул рукой. – Так вот. То, что поразило меня больше всего в этой книге – это его потенциал. Нам часто рассказывали об этом человеке и его открытиях в школе, но никто из учителей ни разу не упомянул о том, что изначально его потенциалом был уровень выше среднего. Когда я узнал об этом, я был потрясен и бросился к отцу с вопросами: как, почему мне никто не говорил о том, что потенциал можно преодолеть? И оказалось, что многие горианцы просто не считали это важным, а другие предпочли забыть – потому что полагали, что это слишком тяжело, слишком больно, и только ненормальный пойдет на такую боль. Я до сих пор не понимаю, почему большинство людей так считают. И я очень зол на тех, кто воспитывает в этом ключе своих детей. Как будто мы все родились для того, чтобы влачить жалкое бессмысленное существование и довольствоваться тем, чего уже достигли наши предки.

Тихонько сглотнув, Кей-Ше опустила взгляд на свой коктейль. По правде, она тоже думала именно так. Какой смысл терпеть такие адские муки, если на Горре уже настоящий рай и люди живут так долго и в таком комфорте? Ради чего мучить себя? Особенно если учесть, что люди, подобные Берку, чувствуют себя очень одинокими, и это заметно даже в клинике, где все старались избегать общения с ним?

Берк хмыкнул:

– Ты тоже так думаешь – я знаю, Кей, не стыдись этого. Ты просто не понимаешь, как многие. Я тоже не всегда это понимал – не мог объяснить, просто чувствовал, сердцем. Я знал, что в этом есть смысл. У тебя ведь есть кое-что, во что ты просто веришь, без объяснений?

Под его пристальным взглядом Кей-Ше залилась краской до ушей.

– Да, я верю в любовь, – ровным голосом ответила она, пытаясь утихомирить бурю эмоций. Там, внутри, было что-то болезненное, яростно протестующее против этого внезапного вторжения Берка в святая святых. Но теперь уже бесполезно было скрываться от него – он все равно бы прочел мысли.

– Извини, – немного другим голосом быстро сказал он. – Я забыл, что на твоём уровне еще живет столько стыда. Очень скоро ты забудешь об этом чувстве.

– Обещаешь? – сгорая от смущения, пробормотала Кей-Ше, не глядя на него. Она сама не понимала, как одновременно может испытывать столько неловкости и продолжать тянуться к нему – особенно после этого его рассказа. Он немного приоткрылся, и стал еще привлекательнее.

– В общем да, – спокойно ответил Берк и перевел взгляд на ее руку, – я уже говорил тебе, чтобы ты не думала о близости, когда касаешься меня?

– Да.

Кей-Ше осмелилась первой послать ему улыбку, и Берк улыбнулся ей в ответ – одними глазами. Он осторожно вынул руку из-под ее ладони, перевернул и погладил пальцами.

– Поцелуй меня, пожалуйста, – умоляюще прошептала она. Может, ей придал смелости шуточный тон, а может, она так нуждалась в этом, что уже не могла думать о приличиях.

– Шшш, – он обнял ее за плечи, когда она придвинулась, но поцеловал только в висок, игнорируя подставленные губы, – Спокойно, малыш. Это очень лестно, но ты хочешь не меня.

– Прости, – простонала она, бессильно уронив голову ему на грудь, – я не хотела...

– Не надо. Все хорошо. Тебе просто нужно немного тепла. Иди сюда.

– Мне нужно секса, а не тепла, – упрямо пробормотала она, когда получила теплые объятия. Это было очень странно – обниматься вот так с Берком. Пожалуй, еще страннее, чем если бы он поцеловал ее.

– Не нужно тебе секса, – усмехнулся Берк, успокаивающе поглаживая ее по спине. – Тебе только так кажется.

– Я лучше знаю, – упрямо пробормотала Кей-Ше, но уже смеялась вместе с ним. Над этой нелепой ситуацией невозможно было не смеяться, хотя она и чувствовала себя на редкость глупо.

– Ты очень привлекательна. Но ты ведь знаешь, что я в любом случае не смог бы это сделать с тобой.

– Знаю... но не понимаю до конца, – пожаловалась она. – Что такое это ваше слияние?

– Ну, – Берк вздохнул, аккуратно отодвигая ее от себя. – В каком-то смысле двое становятся одним целым.

– В каком-то смысле? Ты ведь ученый, – немного сердито сказала она, все еще переживая его отказ целоваться. Зачем только попросила? Как глупо...

– Тебе станет легче, если я скажу, что сливаются их намеревающиеся части?

– Какие части? Части чего? – удивленно переспросила Кей-Ше.

– Части психики, – улыбнулся Берк.

– А как вы узнаете, что готовы?

– Мы узнаем об этом, когда оба партнера намерены слиться, – ответил Берк голосом, полным бесконечного терпения. И Кей-Ше поняла, что он даже не рассчитывает на ее понимание.

– Ладно, – сказала она, утратив желание его расспрашивать, вместо которого почувствовала обиду.

– Кей, я не скрываю от тебя ничего. Это трудно объяснить словами, правда.

– Хорошо, – кивнула она, испытывая мучительное желание закрыться от него и в то же время легкое отчаяние от того, что это было невозможно. – Может, ты расскажешь мне больше о своем проекте? Что именно ты хочешь выяснить с моей помощью?

Берк сделал глубокий вдох и поднял голову, глядя на небо.

– Не выяснять, – сказал он, прищурившись на солнце, – скорее подтвердить, что твой уровень может превысить так называемый потенциал. Пока большинство людей предпочитают считать, что выше потенциала не прыгнешь, и при этом он каким-то образом случайно появляется у человека при рождении – вроде как один от рождения может быть высшим, а другой – нет. Не говоря уж об уровнях выше высшего.

– Уровнях? Там же только один, – переспросила Кей-Ше, невольно запуская руку в волосы и нахмутив брови, чтобы припомнить нужный раздел теории телепатии.

– Да неужели? – усмехнулся Берк, качнув головой. – А у Величайшего тогда какой твоему уровень? Или ты думаешь, что я ему равен?

– Я не знаю, – растерялась Кей-Ше, отводя взгляд. Глаза Берка, подсвеченные солнцем, показались ей невыносимо ослепительными, как лазер.

– Я ему не равен, – сообщил он как всегда ровным тоном, – и я думаю, что после высшего телепатических уровней еще много, и даже Величайший не совершенен, хоть для нас он и эталон. Просто большинству живущих на свете горюнов сложно даже вообразить что-то выше такого уровня – сложно и незачем, потому что они считают невозможным этого достичь хотя бы когда-нибудь. У каждого из них есть свой потенциал, как потолок в пещере. И они убедили себя, что его не преодолеть – так ведь проще, чем честно сказать: «я просто боюсь выйти наружу».

– А ты не боишься?

– А ты как думаешь? – спросил он, впиваясь в нее взглядом. Солнце на миг скрылось за небольшим облаком, и Кей-Ше обняла себя руками, ощутив холодок. Каким-то шестым телепатическим чувством она ощущала, как Берк напряжен, словно сам сомневается в своей гипотезе и очень хочет услышать от нее возражения, чтобы стереть на месте в порошок. Ей хотелось соврать, согласиться с ним, но это было невозможно – ложь он почувствует еще до того, как она успеет закончить фразу.

– У меня средний уровень, – медленно сказала Кей-Ше, – и когда я поднимала свои навыки до этого уровня с более низкого, я думала, что умру. Теперь я понимаю, что это стоило того, но тогда это было очень трудно. Я не уверена, что смогу выдержать нечто во много раз худшее. Я не понимаю, как выдержал ты.

– Ты будешь сильнее, – возразил Берк, заметно успокаиваясь. Он расслабился, оперевшись о спинку скамейки и завернулся в крылья, как в кокон, – и потом, не волнуясь: я не собираюсь тянуть тебя до своего уровня. Высший – максимум, обещаю. С твоим потенциалом "выше среднего" этого будет мне вполне достаточно.

– Достаточно для чего?

– Чтобы изменить мир, конечно. На меньшее я не согласен.

Глава 6

После прогулки ее сознание прояснилось, и она испытала настоящий прилив энергии. Впервые за последние дни Кей-Ше захотелось повнимательнее рассмотреть себя в зеркале, и она осталась неприятно поражена увиденным. Слишком бледная, слишком растерянная... и тело от непрерывного лежания в кровати начало терять форму. А ведь она привыкла видеть его почти идеальным и помногу с удовольствием упражнялась на Октиании. Но здесь, в палате, как-то даже не располагала обстановка...

Отвернувшись от большого зеркала в шкафу, Кей-Ше взяла маленькое и уселась с ним на кровать. С формой бровей следовало что-то срочно сделать, кожа тоже выглядела запущенной. Глубоко вздохнув, она полезла в шкаф за сумкой и замерла, протянув к ней руку. Это были почти все ее вещи – Берк, к тому же, привез сюда и все платья, и кое-какие новые предметы, купленные им для нее – ту же косметику, мыло, шампунь. И каждый день понемногу привозил еще. То книги, то мягкую подушку, то заколки для волос. Означало ли это, что он вообще не собирался больше забирать ее к себе домой?

Возможно... ведь помолвка фальшивая, а значит, ей нечего делать у него. "Я в любом случае не мог бы сделать это с тобой" – звучало так, словно он говорил не только о сексе. Звучало как пощечина. Действительно, кто она такая рядом с ним? Чем она могла его заинтересовать? И она тоже, дура, целоваться полезла. Он был прав, ей просто одиноко и грустно. Вовсе она не хочет его целовать. Он же холодный, все время какой-то слишком отстраненный и непонятный, непонятный... Кей-Ше не заметила, как слишком сильно сжала зеркальце и вскрикнула, когда оно треснуло в пальцах. Черт... да, он был ей интересен.

Интересен своим спокойствием и невозмутимостью, даже когда она предлагала ему целоваться. Своим потусторонним взглядом, своим всесилием, своей увлеченностью. Он ведь не иронизировал, когда говорил про изменение мира. Он в самом деле был таким человеком, которому веришь: этот – сможет. Этот целую планету может развернуть и закрутить в обратном направлении вокруг красноватой горианской звезды. И, глядя на такого, как Берк, очень хотелось помогать, хотелось даже жертвовать собой ради того, что он мог сделать. Потому что это величественно и прекрасно... Опасно. Слишком опасно.

Бабушка рассказывала ей как-то, в порыве злой откровенности, что мама тоже жертвовала собой ради идей отца. "В итоге тебя сиротой и оставили", – с каким-то болезненным злорадством выпалила она в лицо ошеломленной Кей-Ше, которая вдруг бросилась защищать папу, которого, по сути, не знала. Но защищать отца перед бабушкой не стоило – та его ненавидела, считала причиной всех бед, свалившихся на семью. Потому-то в тот день Кей-Ше и узнала много нового о прошлом своих родителей.

Тут и выяснилось, почему вся семья предпочитала делать вид, что отец потерялся во время экспедиции в горы и почему бабушка с теткой так пугались при каждом упоминании о восстании против президента. Никто в семье Карих не любил спорить о политике. Каждое решение правительства незамедлительно одобрялось всей семьей, а любимое бабушкино слово при просмотре официальных новостей было "правильно". Правительство выпустило новый закон? Правильно. Правительство решило отменить его несколько лет спустя? Правильно. Никакие альтернативные источники информации не принимались.

Годом позже, когда Кей-Ше взяла у кого-то в школе некую "грязную газетенку", как назвал ее потом дед, на нее кричали все, начиная от бабушки до тетки, и в тот день она окончательно все поняла. Сама не знала, как – имя отца по-прежнему не произносилось – просто чувствовала его присутствие в мыслях каждого. Тогда ей было всего четырнадцать, и она понятия не имела, что это было первое проявление ее телепатических способностей. В том, что отец погиб во время восстания потому, что воевал не на той стороне, Кей-Ше уже не сомневалась.

А бабушка в чем-то была права: будь то сам отец или его идеи, но смысл для мамы был в нем одном. И поэтому после его смерти она перестала жить – задолго до того, как на самом деле умерла.

Кей-Ше вздрогнула, когда поняла, что ей уже скоро будет столько же лет, сколько матери в то время. Нет, нет, она совсем не такая, как она. Она здесь не ради идей Берка, какими бы великими они ни были. Он привлекателен, но ей просто надо как-то выжить, как-то остаться на Горре. И вытащить их всех, что бы там этот горианец не говорил. Он не знает, каково им там, на Октиании. Ее родная планета, конечно, не так уж ужасна, но только не для ее семьи. И уж точно не по сравнению с Горрой.

Как удивительно быстро расставляет все на места простое сравнение. Берешь горианку-медсестру со средним телепатическим уровнем и сразу понимаешь: по сравнению с Горрой Октиания – просто нижний мир и преддверие ада. Ведь им то и дело рассказывали по телевидению, насколько далеко Октиания продвинулась в технологическом плане, какие добывает ископаемые и какие производит компьютеры и космические корабли суперсовременных моделей. А все это было полнейшей ерундой по сравнению с тем, какого совершенства могла достичь человеческая психика. Какой суперсовременной моделью была голова любого среднего горианца по сравнению с примитивным мозгом любого октианца-телепата, причисляемого к сливкам общества.

"Ты будешь сильнее", – космос, да. Ей надо было это от него услышать. Потому что она действительно чувствовала отвратительную слабость, которую очень хотела преодолеть. Сделав глубокий вдох, Кей-Ше медленно выдохнула и встала. Она решила начать с простого: привести в порядок физиономию.

Заглянувший примерно через час Зарем приподнял брови:

– Прихорашиваешься?

Кей-Ше смутилась и спрятала треснувшее зеркало:

– Так...

– В этом нет ничего плохого... я рад. Неужели Берк позволил тебе передохнуть?

– Да. Непохоже на него, верно? – понимающе усмехнулась Кей-Ше, тепло глядя на доктора эс-Вака. И когда это они успели так сблизиться, что начали понимать друг друга с полуслова?

– Верно. Он обычно загоняет всех, но прежде всего – себя, – кивнул Зарем, против обыкновения все еще стоя посреди палаты, не торопясь усаживаться в кресло, – как насчет прогуляться сегодня?

Кей-Ше рассмеялась. Ее здорово позабавило совпадение, но она была совсем не прочь выйти на вторую прогулку за день – и с Заремом тоже. И, пока она смотрела на него, еще не понимающего причину ее хихиканья, к ней в голову пришла, наверное, самая глупая за последний год мысль в виде вопроса: если бы она предложила поцелуй этому горианцу, отказался бы он с той же легкостью, что и Берк? И могло бы подобное предложение смутить его?

Зарем тактично вышел, позволив ей переодеться, и на этот раз Кей-Ше не понадобилось много времени на сборы, после того, как она провела пару часов над тем, чтобы привести себя в порядок. Она лишь немного подвела глаза темным карандашом – так, как это обычно делали горианки: две тонкие длинные полоски снизу, длиной едва не до виска. В женских журналах это называлось "этнической ноткой образа", и у Кей-Ше это неизменно вызывало сардоническую улыбку: последние этносы на планетах Горры исчезли лет двести назад. Это произошло после того, как завершился процесс переселения всех горианцев в субтропические пояса из более неблагоприятных, с точки зрения климата, зон. Теперь там, где было слишком холодно или жарко, слишком влажно или ветрено, обитали лишь роботы и небольшое количество армейских подразделений, которые обеспечивали их деятельность.

– О чем ты задумалась? – с любопытством спросил Зарем, когда Кей-Ше появилась из палаты, и они вместе пошли по широченному извилистому коридору.

– О том, как здесь комфортно, – ответила она, невольно тяжело вздохнув.

– Берк сделал отличную клинику, – кивнул Зарем, но тут же, уловив что-то в ее эмоциях, осекся. – А... так ты про Горру.

– Ты точно не читаешь мысли? – дернулась Кей-Ше. Ее глаза сузились, когда в мгновение ока в голове промелькнуло: что, если ее обманывают? Какие у нее основания быть такой расслабленной и доверчивой рядом с этим горианцем? Может, он просто обвел ее вокруг пальца и все это время следил за каждой ее мыслью?

Но в следующую секунду она вспомнила, когда Зарем остановился и внимательно посмотрел на нее – так спокойно, словно сквозь его глаза на нее воззрится космос, бесконечно мудрый и бессмертный.

– Прости, – прошептала она, невольно съеживаясь. Как это глупо... как неприлично с ее стороны. Никто не говорил ей такого, но всего за одну неделю на Горре Кей-Ше кожей впитала новые понятия об этикете. Горианцы считали из ряда вон непристойным и глупым такие проявления, как намеренный обман с одной стороны и недоверие, подозрительность – с другой. Это позволялось только детям, не умеющим контролировать эмоций и даже детей за такое наказывали. В общении между взрослыми всегда подразумевалось по умолчанию, что никто никому намеренно не лжет, так что и подозревать друг друга совершенно не в чем.

– Все хорошо, – мягко ответил он, касаясь плеча, но слезы продолжали жечь ей глаза. Кей-Ше снова испытала это чувство, в тысячный раз за последние дни: словно она какое-то отребье в обществе высших существ. В каком-то смысле так и было... не удивительно, что Берк не хотел целовать ее.

– Сэм, о чем бы не думала – прекрати, – внезапно приказал Зарем, слегка сжимая огромной ладонью ее плечо, и Кей резко вскинула голову, чтобы заглянуть в его глаза. Она уже привыкла, что он называет ее чужим именем, как и все. Более того, рядом с ним она чувствовала себя другой, словно каким-то неведомым образом вживалась в образ той землянки, которую никогда не видела. И у нее появлялся шанс быть лучше – ведь Сэмилла была здесь своей по праву, а значит, она в чем-то была лучше, чище, чем Кей-Ше.

Сейчас, когда они стояли рядом, он казался еще выше, чем обычно... такой же высокий, как и Берк... или даже выше. К тому, что мужчины здесь чуть ли не в два раза больше женщин, привыкнуть было едва ли не сложнее, чем к чувству собственной ничтожности. Кей невольно замечала, что все внутри нее встает дыбом и кричит об опасности, а с другой стороны словно просыпается какой-то недолюбленный ребенок и норовит довериться, прижаться поближе, почувствовать себя под защитой... и вслед за тем пробуждалась сексуальность. Хотелось соблазнить кого-нибудь, хотя бы на поцелуи, но она была помолвлена с Берком, которому она нужна меньше всех, и от этого особенно обидно... глупая, глупая Кей. Все эти эмоции – один сплошной ужасный бардак, и все они крайне опасны. Ей надо думать не о поцелуях и не о том, как найти у кого-нибудь защиту. Никто здесь не будет ее защищать, кроме нее самой.

– Я в порядке, – пробормотала она, едва ли не через силу выдавив телепатическую улыбку и первой пошла дальше, поскольку больше не могла выносить его взгляда.

Но в этот момент тонкий голосок сзади окликнул Зарема, и, обернувшись, Кей-Ше забыла о своих проблемах. В коридоре невесть как оказалась зареванная пятилетняя девочка, при одном взгляде на которую сжималось сердце. Маленькая горианка в одной руке сжимала сломанную куклу, а другой тянулась к доктору, и тот мгновенно оказался рядом, каким-то отточенным, восхитительно нежным движением подхватывая ее на руки:

– Хееей. Кто тут у нас расстроился? – спросил он таким тоном, что Кей-Ше невольно расплылась в улыбке – и девочка тоже мгновенно прекратила плакать, замороженная, очевидно, потоком теплых эмоций, которым Зарем тут же подхватил ее, поддержал так же, как и руками.

Икнув, девочка внезапно громко рассмеялась и не сразу успокоилась, но доктор продолжал мягко смотреть на нее, негромко что-то говоря, и вскоре малышка объяснила, что сначала у нее сломалась любимая кукла, а потом она испугалась, потому что потерялась. Зарем улыбался ей, кивал, в два счета починил куклу, а потом они пошли обратно по коридору, чтобы проводить успокоившуюся крошечную пациентку по имени Никамая в палату, возле которой уже металась испуганная медсестра с тарелкой детской еды в руках. При виде Зарема она просяла так, что у Кей-Ше екнуло сердце. Ей показалось, что горианка влюблена в доктора эс-Каве.

Отступив на пару шагов, чтобы не мешать, она из-под ресниц наблюдала за тем, как Зарем разговаривает с молодой горианкой. Он отчитал ее за то, что не уследила за малышкой, но как-то так мягко, что медсестра продолжала смотреть на него влюбленными глазами и растерянно улыбаться, пока он не оставил ее в палате наедине с девочкой.

Внезапно сообразив, что чувствует острую ревность, Кей-Ше спешно попыталась взять себя в руки и подумать о чем-то другом.

– К этой девочке никогда не приходят родители, – быстро сказала она, чтобы не позволить Зарему вглядываться в свои эмоции.

– Да. Она под нашей опекой на время лечения, – кивнул он, и они снова пошли по огромному коридору к саду. Чувствуя, что успокаивается, Кей-Ше кивнула и спросила, чем больна девочка, и тут Зарем, который никогда прежде не вдавался в подробности о диагнозах и болезнях, неожиданно пустился в длинные объяснения:

– У нее высокая телепатическая чувствительность. Это значит, что любые эмоции других людей, от грусти до радости, она чувствует очень остро, и это каждый день расшатывает ее нервную систему. Иными словами, ей вообще небезопасно ощущать чьи-либо эмоции, но не ощущать их она тоже не может, поскольку чувствует тогда ужасное одиночество.

– Как же она жила все это время, – ужаснулась Кей-Ше.

– Ей приходилось нелегко, – согласился Зарем, – но подобные заболевания связаны с генетикой и лечатся препаратами, которые не всегда безопасны. Кроме того, ей нужна психологическая поддержка очень высокого уровня на все время лечения. На Горре мало специалистов, которые могут это обеспечить, а больных детей все больше и больше.

– Я не знала, что у телепатов такие проблемы, – изумилась она.

Зарем глубоко вздохнул и открыл перед ней дверь в сад:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.